

Мария Руднева

ТКАЧИХА

Эта книга посвящается детям всех возрастов, которые когда-либо приходили в отчаяние. Мой вам совет: выбирайтесь оттуда. Любыми способами. И не дайте себя сплести.

- Ты мне уже ничем не поможешь, мой Господин. Со мной все кончено. Мы оба не знали, что нас здесь ждет. А вот теперь мы знаем, почему эти болота зовутся Болотами Печали. Печаль повисла на мне тяжелой гирей. Она тянет меня вниз, и я тону. Спасенья мне нет.

М. Энде “Бесконечная история”

Глава 1

Бетти Бойл звали, конечно, совсем не Бетти. Это было имя для родителей, вечно занятых деловых людей, предпочитавших газеты и хороший табак. Школьная учительница, прагматичная мисс Сюзи Гвинн, называла ее только Элизабет, и никак иначе. С самого детства Бетти должна была вести себя как маленькая леди. Окружающие считали, что из такого очаровательного ребенка обязательно вырастет настоящая светская львица. В конце концов, уже в шестилетнем возрасте она очаровывала своими золотыми кудрями и синим платьем с большим бантом, а ее умение петь песню про зеленые рукава растрогало даже старушку миссис Дрейк, соседку из дома справа.

Правда, в последнее время кудри Бетти стали уже не совсем кудрями, да и платья сменили

порезанные джинсы. Бетти исполнилось двенадцать, и вся ее жизнь была возложена на алтарь черной меланхолии.

И дело не только в том, что Бетти совершенно не хотелось становиться светской львицей и уподобляться напудренной и элегантной матери, и не в том, что мисс Сюзи Гвинн в очередной раз застучала ее с книгой старинных легенд. И, конечно, вовсе не в Артуре Ниме из ее класса, о настолько высоких материях Бетти еще и думать не полагалось (как были уверены и ее мама, и мисс Сюзи Гвинн, и даже отец, после нескольких серьезных разговоров на кухне, был с этим согласен).

Просто в жизни не было ни единого лучика света, который мог бы рассеять тоску, нависшую над всей жизнью Бетти.

Бетти исполнилось двенадцать, и в этот день ее жизнь кончилась.

В ее комнате с черными занавесками было пасмурно и сумрачно, хотя на улице был полдень и весеннее солнце согревало улицу Высоких Осин, на которой стоял особняк семьи Бойл. Но солнце и весна не могли порадовать Бетти. И ничего другое тоже не могло. Ей было прекрасно известно, что внизу, в гостиной, придет по случаю в лучшее платье мама накрывала на стол, и что скоро привезут заказанный в самой модной кондитерской города торт, и придут дети из школы, которых позвала ее мама, потому что на дне рождения дочери обязательно должны быть друзья. Так, конечно, принято. Придет задавака Энни Мораг, и рыжая Вивиан О'Брайен, и занудная Клара Поул, вечно поучающая всех вокруг и рассказывающая, как надо жить. Вот уж лучшая компания для двенадцатилетия!

Бетти тяжело вздохнула и перевернулась на другой бок. Взгляд ее уперся в рамку на кровати. Там, вместо фотографии красивого мальчика вроде Артура Нима, стояла вырезанная из журнала картинка с элегантным вампиром. Вампир тоже не радовал, как и новая книга, купленная у старого букиниста, и предстоящий чинный вечер с чаем из старинного сервиза. Невыносимое занудство! Когда Бетти была моложе, она думала, что день рождения — это ее праздник, и она может сама выбирать занятие, но реальность оказалась совсем другой. Все — от и до — было продумано ее светской мамой и должно было представить дом Бойлов в наилучшем свете.

— Как хорошо, что сейчас не девятнадцатый век, — мрачно сообщила Бетти нарисованному вампиру. — Иначе бы мама отправила меня на какой-нибудь дурацкий бал.

На бал Бетти не хотела, если это, конечно, не бал вампиров или фей, или хотя бы вечеринка в закрытом клубе «Носферату», но туда ее не пускали: даже в лучших драных джинсах и с синей помадой она не могла пока сойти за шестнадцатилетнюю, тем более, что тот случай

плохо кончился: ее поймал охранник и вызвал родителей.

Ох и недовольной же выглядела мама!

Бетти перевела взгляд на часы. Равнодушные цифры показывали почти пять. Это значит, что скоро придется все-таки встать и искать в шкафу приличное платье, а потом спускаться к гостям и целый вечер сидеть с приклеенной улыбкой...

У Бетти просто не было на это сил! Ей казалось, что с каждым днем она все больше слабеет и никак не может играть во взрослые игры и соответствовать ожиданиям. Даже в школу она теперь просыпалась с трудом. Ей было так плохо, не хотелось ничего, но взрослым разве объяснишь? У них есть свои планы на детей, и ты ничего не можешь им противопоставить. Разве только сбежать, как делали дети в старых сказках, но у них были силы и много энергии, а у Бетти нет ничего.

Ни жизни, ни веселья, ни даже настоящих друзей... Ей захотелось плакать, так сильно она себя жалела. Слезы потекли из-под густо накрашенных ресниц, Бетти уткнулась лицом в подушку и горько зарыдала. Проплакав некоторое время, она уснула, обнимая обтянутую черной наволочкой подушку.

Ей снилось, что Ткачиха плетет ее жизнь.

Медленно, прядь за прядью, собирает в свои клешни длинные серебряные нити и связывает в красивый мерцающий узор. Ткачиха тянула и тянула пряжу ее жизни, и Бетти во сне казалось, что она видит, как это происходит. Как нити тянутся прямо из ее спины.

Во сне Бетти помнила все.

Она знала точно день и час, когда Ткачиха заинтересовалась ей. В тот день Бетти поссорилась с Артуром Нимом на заднем дворе школы и прибежала домой, и была такой несчастной, что ей просто необходимо было выговориться хотя бы маме, но мама торопилась на очередной прием в честь какой-то заезжей звезды, и ей было совсем не до дочери. Тогда Бетти так же лежала на кровати и плакала, и проклинала свою жизнь, и мечтала о том, чтобы кто-нибудь пришел и забрал ее, потому что жить стало незачем.

И пришла Ткачиха.

Это произошло полгода назад, и с тех пор Бетти такая — не радуется белому свету и сладостям, много спит и с трудом находит в себе желание хотя бы встать с кровати. Потому что Ткачиха прядет ее жизнь, и когда она закончит узор...

— Я умру, — сказала Бетти вслух, открывая глаза.

Станный сон кончился, но остатки его, как часто бывает, еще преследовали Бетти. Она

осторожно огляделась. Она все так же лежала на кровати ничком, обнимая подушку, и в комнате не было ничего необычного, кроме странного, скрежещущего звука, который был едва уловим и оттого казался еще более жутким.

Бетти осторожно повернула голову и увидела, как тянутся от ее спины две блестящие серебряные нити. Она села на кровати, стараясь двигаться очень медленно — вдруг эти нити легко порвать, что тогда будет? Подойдя к большому напольному зеркалу, она принялась изучать свою спину. Нити тянулись от лопаток вперед, но ткань футболки была нетронутой, никаких дырок или прорезанных швов. Кожа в том месте, откуда тянулись нити, странно похолодела.

Это Ткачиха! Страшное озарение настигло Бетти, зеркало отразило, как сильно она побледнела.

— Но ведь если эти нити тянутся из-моей спины, — хрипло сказала она вслух, стараясь, чтобы звук собственного голоса успокоило, — значит, они тянутся куда-то? Куда?

Бетти двигалась осторожно, развернувшись так, чтобы видеть конец нитей. Серебристое сияние заканчивалось в самом темном углу комнаты, за платяным шкафом. Нити растворялись прямо в стене, по обоям растекалось черное неприглядное пятно.

— Что это? — мама Бетти была помешана на чистоте и регулярно требовала от дочери приводить комнату в порядок, поэтому девочка точно могла сказать, что еще вчера никакого пятна не было.

Пятно пульсировало и жило своей жизнью. Бетти протянула руку и коснулась его. Пальцы погрузились внутрь на несколько сантиметров, и девочке показалось, что она ощупывает что-то живое. Она вскрикнула и с отвращением отдернула руку. Пятно отпустило пальцы с противным чавкающим звуком. Нити остались внутри.

— Ткачиха... Она там? — опасливо спросила девочка, но в ответ не раздалось ни звука.

— Надо рискнуть! — Бетти продолжала говорить вслух. — Если Ткачиха сплетет мою жизнь, я умру, так? Я откуда-то это знаю. Значит, я должна найти Ткачиху и помешать ей. Мама, конечно, не одобрит, но прежде, чем я объясню это маме...

Бетти представила себе в красках, что скажет ее думающая только о нарядах и бриллиантах рассеянная мама, и помотала головой. Лучше она со всем сама разберется, так будет намного быстрее. Было бы хорошо успеть до прихода гостей, конечно.

— Я иду! — сообщила Бетти и, сделав шаг вплотную к стене, прижалась к пятну.

Оно со все тем же чавкающим звуком всосало ее внутрь.

Бетти открыла глаза и очутилась в крошечной тьме.

Глава 2.

Чаще всего герои, попадающие в другой мир, не покидали пределов своей собственной улицы. Эта мысль пришла Бетти в голову неожиданно, ни с того ни с сего, и показалась оглушительной. Но это была мысль, пусть и непонятная, а значит, она — правильно же? — существовала? Бетти ущипнула себя за руку, чтобы проверить догадку, и вскрикнула. Существовала, и еще как! И даже, видимо, не заснула случайно, а в самом деле провалилась в черное пятно, куда привела ее паутина из собственной спины...

Ткачиха!

Бетти вдруг вспомнила все и поспешила вперед, надеясь углядеть хотя бы маленький лучик света. .

— Где это я? — спросила девочка в пустоту, но пустота ей ничего не ответила.

Глаза Бетти потихоньку привыкали к темноте. Теперь она видела, что вокруг нее не сплошной сумрак. Взгляд начал различать очертания холмов и деревьев. Бетти присела на корточки и пощупала рукой то, что было у нее под ногами. На ощупь земля внизу ничем не отличалась от земли, которой были посыпаны дорожки в парке в конце улицы Высоких Осин. Настоящая земля!

— Значит, это лес? — звук собственного голоса успокаивал девочку.

Бетти осторожно пошла вперед. Она никогда не была в настоящем лесу, но слышала много историй про опасные ветки и насекомых. Ее мама ужасно боялась веток и насекомых и всегда вычитывала в дневных газетах истории о том, как кто-то из соседей неудачно съездил в лес. Ее очень беспокоило, что на улице Высоких Осин жили целых три семьи, занимающиеся туризмом. К ее счастью, у них не было детей.

Правда, Бетти сейчас хотела бы, чтобы были. Или чтобы она чаще общалась с задавакой Энни Мораг, которую каждое лето возили отдыхать в какой-то дикий заповедник, что считалось очень престижным. Может быть, Бетти удалось бы уговорить маму тоже туда съездить, и тогда она хотя бы приблизительно представляла, что будет делать делать ночью в лесу.

— Хорошо, что у меня крепкие кроссовки и футболка с длинным рукавом, — успокаивала себя девочка.

Ей не хотелось думать о том, что скоро может похолодать. Или вообще наступит зима: в старых сказках зима часто налетала ниоткуда. Или ей может захотеться есть или пить, а

магазинов с газировкой и всякой всячиной тут, конечно же, нет. Зато есть ветки и насекомые. Хотя про насекомых — это еще не проверено. Но ветки есть точно: они запутались у Бетти в волосах. Ее кудри уже не были такими длинными, как в детстве, но все равно оставались густыми и мелко вились, и выпутать ветку из них было довольно сложно. Бетти остановилась и перевязала волосы тоненькой резинкой из тех, что носила на запястье. Хвостик получился совсем маленький, зато теперь вцепиться в волосы стало сложнее.

— Ну что же... Время вспомнить сказки? — сказала Бетти сама себе, и пошла вперед. В сказках герои смело и решительно шли вперед, и, поразмыслив об этом, Бетти поняла почему. Потому что когда ты оказываешься в незнакомом месте, где даже запахи другие и воздух ощущается иначе, тебе ничего другого не остается, кроме как идти вперед.

Хотя теперь, когда Бетти точно знала, что она не умерла и не парит в невесомости, идти стало легче. Ну, подумаешь, ночной лес, все случается в первый раз. Правда, ее смущало отсутствие звезд и луны на небосводе, но тут ведь как... Может быть, в этом мире и вовсе нет луны?

Скептически настроенный Артур Ним, обожавший научную фантастику, наверняка бы поднял ее на смех и принялся доказывать, что без луны и звезд ни один мир не может существовать и быть обитаемым, но Артура Нима тут не было, и никого не было.

— Хоть бы этот мир был обитаемым! — воскликнула Бетти и испуганно прижала ладонь к губам. Иногда лучше, чтобы место было необитаемым. А то может получиться, как у тех завоевателей, что первыми открыли Америку: на них напали местные жители и больно покалечили.

Хотя во всех приключенческих историях всегда находились добрые местные жители, которые помогали героям... Разглядеть бы их еще в этой крошечной мгле, этих добрых местных жителей.

Пока вокруг не было ни души.

И Бетти продолжала идти вперед.

Что-то засветилось впереди, освещая ей дорогу. Обрадованная, девочка кинулась на свет, начисто забыв про возможные опасности вроде болотных огней. Она увидела свет и поспешила за ним, надеясь, что это лампочка или фонарик. Но это не было фонарем или лампочкой. Это было длинной и крепкой нитью, подобной той, которые Ткачиха плела из ее жизни. Только эта нить казалась толще и старше — именно старше, и намного крепче всего остального вокруг. По крайней мере, ветки ломались от одного прикосновения, а нить не порвалась, только тихо завибрировала и натянулась.

Глаза Бетти расширились:

— Путеводная нить! Подумать только!

И она поспешила за нитью, крепко сжимая на ней ладони и перебирая осторожно — так, как перебирают лазальщики по канату в цирке. Когда Бетти была совсем маленькая, на улицу Высоких Осин приезжал цирк, и там показывали разные трюки с канатом. Бетти помнила красивого канатоходца, кажется, она даже собиралась выйти за него замуж и уехать вместе с цирком, но мама запретила — Бетти тогда только исполнилось семь.

А вот теперь она сама — почти канатоходец, скользит взмокшими от волнения ладонями по серебристой нити, которая ведет ее вперед, туда, где, кажется, был свет. По крайней мере, Бетти была уверена, что темнота посветлела.

И пусть серебристая нить увела ее с тропы и манила через холмы, она точно знала, что идет куда-то, где будет лучше, чем посреди темного мрачного леса.

— Свет! Свет! — закричала вдруг Бетти, и это уже точно не могло быть самовнушением или обманом зрения. Небо посветлело до голубой синевы в том месте, куда упиралась нить, и запах чувствовался иной: свежескошенная трава и солнце — такой запах иногда стоит в парке на рассвете, пока там еще совсем мало людей...

Бетти побежала вперед, сжимая нить в руках, уже не думая, что может ее порвать. Она бежала на запах и свет, пока темнота совсем не выпустила ее из своих мрачных объятий. Бетти рассмеялась, споткнулась о какую-то корягу и растянулась поперек залитой солнцем лесной тропинки.

— Вы в порядке? — осторожно спросил кто-то сверху. На лицо Бетти упала длинная тень. Девочка перевернулась на спину и сощурилась, прикрыв ладонью глаза от яркого солнечного света. В другой руке она по-прежнему крепко сжимала нить.

— Вы в порядке? — повторил голос.

Голос, как и тень, принадлежали высокому человеку в красной клетчатой рубашке. Бетти села на земле и улыбнулась:

— Да, мистер, я в порядке.

— Ты вывалилась прямо из ниоткуда, девочка. Так разве поступают?

— Иногда приходится, — пожала плечами Бетти. — Я пришла из черного-черного леса, там было так темно, и только эта ниточка светилась. Я пошла за ней и пришла сюда.

— Ниточка? — человек в клетчатой рубашке резко наклонился и выхватил длинную серебряную нить из руки Бетти. — Не может быть...

Бетти смотрела на него, пораженная внезапной догадкой.

— Мистер... — осторожно спросила она. — Это ваша?..

Глава 3.

— Представь себе, девочка, и вправду моя, — в голосе человека в клетчатой рубашке звучала неуверенная радость, смешанная с испугом. До этого момента Бетти никогда не слышала, чтобы взрослые так говорили. .

Он сел рядом с ней на корточки, внимательно изучая нить. Теперь у Бетти появилась возможность хорошенько его рассмотреть. У человека в клетчатой рубашке были длинные и совершенно седые волосы, связанные в неаккуратный хвост, такие тонкие, что, казалось, обрамляли лицо незнакомца легким облачком или паутиной. Лицо и руки покрывая тонкая, еле заметная сетка шрамов. Бетти невольно подумала, что он выглядит как неловко сшитая кукла. Сравнение показалось не слишком приятным. Не очень вежливо называть куклой живого человека, пусть даже и в мыслях. Но он весь был какой-то длинный, нескладный, и с серыми-серыми глазами. Бетти очень понравились эти глаза, они внушали доверие.

Девочка успела было подумать, что нехорошо так откровенно рассматривать незнакомца человека, но в этот момент произошло кое-что, что заставило ее забыть о правилах приличия и смотреть, приоткрыв от удивления рот. Человек в клетчатой рубашке подтянул к себе всю нить, и теперь держал ее в горсти. Нить едва заметно мерцала и переливалась в его руках. Такого света девочке еще не доводилось видеть, на ум приходили образы вроде звездной пыли или пыльцы фей — в общем, самых сказочных вещей. В конце концов, это была волшебная нить, путеводная, которая вывела ее к этому человеку, в светлый солнечный день.

Человек в клетчатой рубашке тем временем поднес ладони с мерцающей нитью ко рту и открыл его. То, что произошло дальше, поразило Бетти до глубины души.. Слово бы, когда человек открыл рот, тот тоже засветился серебристым мерцанием, и он весь гулко загудел, всем телом. А потом погрузил кончик нити внутрь и проглотил ее целиком, и, пока самый конец нити не исчез в его рту, он не прекращал гудеть и светиться. Бетти не могла отвести от него глаз.

Наконец человек в клетчатой рубашке повернулся к девочке. Казалось, он вообще забыл о ее существовании. В его чистых серых глазах вспыхнуло и погасло удивление. Он широко улыбнулся:

— Спасибо тебе, девочка.

— Да в общем не за что, — растерялась Бетти. — Это вам спасибо. Ваша нить вывела меня из темного леса.

— Из темного леса? — переспросил человек в клетчатой рубашке. — Оглянись, здесь нет никакого темного леса!

Бетти послушно огляделась. В самом деле, она находилась на ярко залитой солнцем лесной опушке, окрашенной в осенние золотисто-красные цвета. Земля под ногами была мягкой и слегка пружинила, наверное, из-за хвойного ковра, устилавшего все вокруг.

— А что это за место? — спросила она.

— Это Тени. Мы здесь живем.

— Вы? Кто — вы?

— Сплетенные, — коротко ответил человек в клетчатой рубашке и поднялся с земли. — И если ты говоришь, что шла через темный лес и оказалась здесь, то лучше нам убраться куда подальше.

— Сплетенные?.. — Бетти прижала ладонь ко лбу. Догадка, пришедшая ей в голову, казалась слишком невероятной. — Вы говорите о Тка...

— Ш-ш-ш! — человек в клетчатой рубашке зажал ей рот. Бетти глазами показала что все поняла и будет молчать, и тогда он отпустил ее.

— Идем отсюда, — он взял девочку за руку и потянул за собой. Бетти не сопротивлялась. Ей было все равно куда идти, она не понимала, где находится (кроме того очевидного факта, что нигде поблизости от улицы Высоких Осин не было парка или городка, носившего бы название Тени) и возможность пообщаться с местным жителем терять не собиралась. Тем более, таким странным. Который мог дать ответы на многие вопросы. В том числе и на главный: как выбраться из этого места?

Человек в клетчатой рубашке шел вперед широкими, размашистыми шагами; у него были длинные ноги, и он легко перешагивал через камни и коряги, то и дело встречающиеся на пути. Бетти считалась высокой девочкой, в классе мисс Сюзи Гвинн она вообще была выше всех, кроме, разве что, Артура Нима, но своему неожиданному спутнику она едва доставала головой до плеча. Поэтому ей было сложно идти с ним наравне: очень скоро она выдохлась и взмолилась о передышке.

— Я думаю, уже можно устроить привал, — огляделся человек в клетчатой рубашке. — Мы достаточно далеко ушли от того места, где ты появилась. Можно надеяться, что здесь нам ничего не угрожает.

— Да уж... — Бетти пыталась отдышаться после забега по лесу. В боку отчаянно кололо. — Теперь вы мне все расскажете? Что за Тени? Где мы вообще? И кто вы такой?

Человек в клетчатой рубашке звонко рассмеялся.

— Как невежливо с моей стороны! — воскликнул он. — Я не представился и твоего имени не спросил. Совсем растерял все манеры. Меня называют Рубашечник. Это потому, что я всегда ношу эту клетчатую рубашку. А тебя как называют?

— Бетти, — сказала Бетти и тут же спохватилась: — То есть, конечно же, Элизабет. Элизабет Бойл.

И она сделала неуверенный книксен. До сих пор ей не приходилось проявлять манеры на лесных тропинках.

— Но можно же Бетти? — уточнил Рубашечник.

— Можно, — кивнула Бетти и села прямо в траву. Она чувствовала себя очень вымотанной. Возможно, если бы она была одна, она легла бы в мягкую хвою и поспала немного, но сейчас ей больше всего хотелось расспросить своего нового знакомого обо всем.

— Рубашечник — такое странное имя... Оно больше похоже на прозвище... Простите.

— Тебе не за что извиняться, — поспешил успокоить ее Рубашечник. — Это ведь на самом деле прозвище. Своего настоящего имени я не помню. Я слишком поздно попал сюда.

— Сюда — это в Тени? Как вы сюда попали?

— Я... меня сплели.

— Вы уже говорили. Ткачиха, да? — Бетти невольно понизила голос.

Рубашечник печально кивнул.

— Да. Ткачиха сплела мою жизнь, и с тех пор я брожу по Теням и пытаюсь вернуть ее обратно.

Глава 4.

— Я был циркачом. Ездил с бродячим цирком, показывал разные фокусы, — Рубашечник взял веточку и начал выписывать на земле бесформенные узоры. — Жил в вагончике, спал порой на голой земле, репетировал каждый день — и это было весело. Новые города и страны, никаких границ, постоянно новые люди, новые встречи и знакомства. Мне все это нравилось до поры до времени. Мои родители тоже были из цирка, у нас был целый семейный номер, мы акробаты... А потом все изменилось. Новые люди, новые места... Одним словом, однажды я влюбился и захотел все изменить. Осесть, остепениться, завести маленький домик и свое хозяйство, может быть, даже получить образование. И тут выяснилось, что это совершенно невозможно. Нельзя просто взять и оставить цирк. Если ты так делаешь, то на тебя косо

посмотрит твоя бродячая семья и не примут там, в большом мире извне. Потому что для них ты другой, неправильный, ты — развлечение, минутная вспышка... А семья... Они, конечно, приняли меня назад. Но все равно все изменилось. Это было паршиво. В какой-то момент я проснулся и понял, что не хочу ничего. Даже вставать с постели. Но все равно вставал и шел на арену. И вот тогда я захотел, чтобы мою жизнь у меня кто-нибудь забрал и выдал вместо нее какую-нибудь другую. А лучше — просто забрал. Чтобы меня никогда больше не существовало... — Рубашечник замолк. Глаза его погрузнели.

— И тогда пришла Ткачиха и сплела вашу жизнь? — осторожно спросила Бетти.

Рубашечник кивнул.

— Так и произошло. А я ничего не замечал до самого последнего момента. Только все меньше и меньше хотел жить. А однажды все закончилось. Я открыл глаза и был уже здесь. И не помнил ни кто я такой, ни откуда...

— Но ведь вы сейчас рассказали мне свою историю, — не поняла Бетти. — И тут же говорите, что не помните...

— Я сказал, что не помнил, а не что я не помню, — поправил Рубашечник. — Я не умею бездельничать. Просто не приучен к этому. Поэтому бесцельно бродить по Теням мне показалось бесперспективным. Я решил во что бы то ни стало собрать свою память обратно. Видишь, мне это уже удается. И с каждым разом все лучше и лучше. Та нить, благодаря которой мы с тобой встретились, как раз вернула воспоминания о той любви... И о последствиях, к которым такое может приводить. А вот имени все никак не найду.

— И давно вы... так?

— Очень давно, — печально ответил Рубашечник, и Бетти решила больше не уточнять.

— Знаете, Ткачиха ведь и мою жизнь плетет. Я пришла сюда сначала по собственным нитям. Вышла из собственной комнаты и провалилась в какую-то непроглядную темень. Сначала думала, что умерла, потом — что уснула... Но все по-настоящему, как бы невероятно это настоящее ни выглядело. Знаете, сегодня же мой день рождения.

— Правда? — оживился Рубашечник.

— Правда, — кивнула Бетти. — Мне исполнилось двенадцать. Сейчас я должна бы по хорошему сидеть в красивом платье за столом и слушать все эти слова, которые вежливо говорят Энни Мораг и Клара Поул, которых позвала мама, потому что этого требуют приличия.

— Это очень печально — встречать свой двенадцатый день рождения с людьми, которые с тобой только ради приличия, — сокрушенно покачал головой Рубашечник. — А как бы ты

хотела отпраздновать?

— Я... Я бы пригласила Артура Нима — это мальчик из моего класса, он очень умный — и мы пошли бы на дискотеку в клуб «Носферату». Там очень здорово, всегда приглушенный свет, соответствующая музыка, и вообще.... Самое готичное место в городе! Но меня туда пока не пускают, туда до шестнадцати нельзя. А раз не получится по-моему, почему бы и не порадовать маму? — Бетти пожала плечами.

Рубашечник внимательно смотрел на нее.

— Пошли, — наконец сказал он и поднялся с земли.

— Куда? — удивилась Бетти.

— За мной. День рождения — это особенный праздник, мне всегда это говорили. Но я забыл свой день рождения и никогда его не отмечал. Поэтому давай отметим твой, Бетти Бойл?

— Давайте...

— А на день рождения должен быть торт! Но торта я в Тенях не найду, зато есть кое-что отличное. Не отставай!

Он поспешил вперед по тропинке, и Бетти снова едва поспевала за его широкими шагами.

— А это далеко? — крикнула она, спотыкаясь об очередную коварную корягу.

— Близко! — откликнулся Рубашечник. — Почти пришли. Смотри!

Он свернул с широкой лесной тропы и скрылся между густыми лиственными деревьями. Если бы не яркая расцветка его рубашки, Бетти бы потеряла его из виду. Через несколько шагов ей удалось догнать спутника. Он стоял на опушке крошечной поляны. Везде, куда хватало взгляда, росла земляника. Заросли красных ягод были повсюду.

— Сколько ягод! — воскликнула Бетти. — Я никогда не видела столько ягод сразу! А их безопасно есть?

— Конечно. Это же земляника. Хорошая замена торту?

— Просто отличная! — Бетти присела на корточки и стала срывать крупные спелые ягоды и собирать в ладонь. — Спасибо, Рубашечник!

— С днем рождения, Бетти Бойл!

Земляника оказалась удивительно вкусной. Бетти могла поклясться, что раньше ей не доводилось есть ничего вкуснее, хотя ее мама регулярно посылала кухарку на базар за самыми свежими продуктами.

— А здесь вообще много съедобных ягод?

— Много. В Лесу ты можешь есть что угодно.

— В Лесу?..

— Место, в котором мы находимся, называется Лес. Он — часть Теней. Самая светлая и безопасная их часть. Поэтому я и говорил, что мы здесь живем. Те, кого сплела Ткачиха. Здесь она редко появляется, и можно безопасно искать свои нити. Хотя больше нитей, конечно же, в Холмах или в Старой Церкви, зато тут не надо постоянно оглядываться.

— А Тени — это вообще что?

— Это ее мир, созданный из наших грез. Из наших жизней, проще говоря. Каждая нить добавляет силу Теням.

— А выбраться отсюда можно?

— Я не знаю. Если тебя сплели... Я слышал старую легенду, что если ты соберешь все свои нити, то сможешь вернуться обратно. Но я уже не знаю, правда это или нет. Когда я только попал сюда, то истово в это верил. Но я так долго здесь брожу, и до сих пор нашел так мало. Я уже потерял надежду.

— Рубашечник, миленький! — закричала Бетти. — Но меня же не сплели!

— В смысле?..

— Ткачиха только начала меня плести! Я человек, настоящий, из плоти и крови, я живая! Скажи, пожалуйста, скажи, что я смогу отсюда уйти? В этом Лесу, может быть, и хорошо, земляника и солнце, но я хочу домой! Я как вспомню черную тьму, через которую шла...

— Наверное, ты попала в самое сердце Теней, во Владения Ткачихи. Никто из нас никогда там не был, — Рубашечник покачал головой. — Есть один путь. Но я не могу дать никаких гарантий. И ничего не буду обещать. Я проведу тебя через Тени, но может выйти так, что ничего не получится.

— Проведите меня, пожалуйста! — умоляюще сказала Бетти и вдруг почувствовала резкую боль в спине — как будто ее кожу зацепили крюком и с силой потянули назад. Она вскрикнула и посмотрела на свою спину. — Что... что это такое? Что со мной происходит? Рубашечник резко выдохнул сквозь стиснутые зубы.

— Все хуже, чем казалось, — прошептал он. — Она еще не сплела тебя. Она продолжает это делать...

Глава 5.

Некоторое время они шли молча. Бетти пыталась переварить новости про собственное плетение — она-то была уверена, что умудрилась ловко сбежать от Ткачихи! Как глупо было думать, что можно скрыться от Ткачихи в ее собственном мире. Тем более, если она и правда

побывала в самом сердце Теней.

Рубашечник же был погружен в свои мысли. Он не произнес ни слова с того момента, как осмотрел спину девочки и обнаружил две уходящие в никуда нити. Он оборвал их, зажав в кулаке — Бетти только успела удивиться тому, какие у него сильные руки, а потом стало очень больно, и нити осыпались на тропинку серебром. Есть землянику и праздновать день рождения после такого почему-то никому не захотелось.

Бетти понятия не имела, куда они идут, просто уныло плелась за Рубашечником по лесной тропинке — даже солнечный день не радовал ее. Казалось, черные чары Ткачихи, которые на некоторое время оставили ее, вернулись с удвоенной силой. Не хотелось ничего.

Хотя это было обманчивое ощущение: стоило Рубашечнику раздвинуть кусты, охранявшие от посторонних взглядов красивый родник с ледяной прозрачной водой, как Бетти вдруг захотела пить. Она подставила сложенные в горсть ладони под воду и напилась досыта. И вода показалась ей слаще любой кока-колы, хотя раньше она была уверена, что вкуснее кока-колы напитка точно не изобрели. И уж тем более какая-то вода не может с ней сравниться! А теперь вот она не могла оторваться от источника. Рубашечник дождался, пока девочка утолит жажду, и тоже попил немного. Пока он пил, Бетти сидела на камнях родника и рассматривала его лицо. Сейчас она хорошо могла разглядеть сетку шрамов, тянущуюся от его глаз к вискам и убегающую от рта на шею и дальше, за воротник рубашки. Вопреки всему, это шрамы не выглядели отталкивающими. Наверное, дело было в красивых глазах Рубашечника и в трепетной родинке над губой. Бетти всегда нравились люди с такими родинками. Они казались ей особенными, отмеченными судьбой. Такие лица не портят никакие шрамы. Рубашечник, заметив, что она с любопытством его разглядывает, смущенно отвернулся. — Эти шрамы, — поспешила задать вопрос Бетти. — Они?..

— Исчезают со временем, — нехотя объяснил Рубашечник. — Когда я здесь появился, я был весь словно сшит из распадающихся кусков. А теперь, как видишь, даже стал похож на человека.

В подтверждение своих слов он закатал до локтя рукав рубашки и показал предплечье, на котором паутина шрамов поблекла и почти уже исчезла. Если не присматриваться, то и не заметишь.

— И так со всеми... Сплетенными? — осторожно уточнила Бетти.

Рубашечник рассмеялся.

— Вовсе нет! У каждого своя судьба. И в Тени каждый существует таким, каким получается. Уж не знаю, от чего это зависит, никогда не интересовался. По правде говоря, все, что меня

интересует — это мои нити, а остальное...

— Значит, если Ткачиха сплетет меня, я могу оказаться какой угодно? — при мысли о том, что она может развалиться на части или превратиться в облако, Бетти подурнело.

— Лучше бы она вообще не успела тебя сплести, — Рубашечник перестал смеяться и нахмурился. — Если это обратимый процесс. Но попробовать стоит. Я уверен: самое главное

— вывести тебя отсюда до того, как она закончит плетение.

— И... сколько у меня времени? Как вы думаете?

— Не знаю, — Рубашечник поглядел на нее снизу вверх и накрыл ладонью ее ладонь. — Я же не специалист. Я могу только попробовать вывести тебя туда, где, может быть, есть выход.

Но велика вероятность, что я только приведу тебя к гибели.

— У меня нет выбора, — пробормотала Бетти. — Вы единственный, кого я вообще встретила здесь. И с вами безопасно.

— Это верно, — криво улыбнулся Рубашечник. — Я безобидный. А с некоторыми лучше не встречаться даже в Лесу.

— Почему?

— Есть Сплетенные, которые работают на Ткачиху. Они бродят по Теням и разыскивают таких, как мы, одиночек, надеющихся собрать себя обратно. Мы же, получается, обкрадываем Ткачиху, забираем обратно из ее мира свои грезы. А она этого не любит.

— И много таких?

— Порядочно. Мы называем их Охотниками и давно научились от них прятаться. Не бойся, Бетти Бойл, может быть, все еще и обойдется.

— Я и не боюсь, — храбро ответила Бетти, выставив вперед упрямый подбородок. — А куда мы пойдем теперь? Расскажите?

— Расскажу, — кивнул Рубашечник и огляделся в поисках подходящей палочки. Нашел ветку под деревом и начал рисовать на тропинке какую-то карту.

— Вот видишь? Мы здесь. Это опушка Леса, мы почти у самого выхода. Безопаснее всего углубиться в него, но наш путь ведет в другую сторону. Сразу за Лесом начинаются Холмы. В Холмах туманно и сумеречно, и если не знать дороги, легко заблудиться. Обычно мы передвигаемся там, пользуясь чужими нитями. Подобным способом ты вышла сюда из сердца Теней, так ведь?

Бетти кивнула. Рубашечник увлеченно продолжал водить палочкой по земле:

— У Холмов запутанная система. Нельзя назвать их стабильными. Они в движении, но, как бы это сказать... Дрейфуют. Среди них есть несколько способов пройти сквозь них. Держись

меня и не вздумай уходить в сторону. Особенно если увидишь огни или услышишь музыку.

— Как в сказках... — зачарованно проговорила Бетти. Ей сразу вспомнились чудесные сказки про фей и эльфов.

— Именно, — серьезно ответил Рубашечник. — Как в сказках. Поэтому держись меня и нитей-проводников, иначе я могу никогда не найти тебя среди Холмов. А времени у тебя не очень много. Не знаю сколько. Но Ткачиха прядет быстро. Несколько дней — и не успеешь опомниться, как ты уже здесь, бледная немощная тень без памяти и личности. Здесь, в Тенях, почти нет смены дня и ночи, но мы научились ориентироваться по звездному узору. Здесь совсем иные звезды, а в сердце Теней, говорят, их и вовсе нет...

— И правда нет, — подтвердила Бетти. — Я же там была. Ничего нет, только коряги какие-то.

— Коряги?

— Ну, я спотыкалась о какие-то коряги, когда бежала за нитью. По лесной тропинке. Рубашечник как-то странно на нее посмотрел.

— В сердце Теней нет леса. И тропинок нет, и коряг. Там есть только Ткачиха.

— То есть я... — Бетти осеклась и прикрыла рот ладонью.

Вот это да. Выходит, она не только видела Ткачиху, но и трогала ее ладонью, и бегала по ней. И осталась жива. Пока — еще даже самой собой. И намерена такой оставаться и впредь, чтобы дожить до старости живой и невредимой.

Рубашечник понимающе усмехнулся.

— Да, бывает ведь. Не стоит думать о таких вещах. Лучше послушай меня. Пройти Холмы — это еще не все. Выйти из Теней около Старой Церкви. Но Старая Церковь стоит на отшибе, и никто не знает, как к ней приблизиться. По крайней мере, я еще не встретил ни одного такого человека.

— Может быть, нам повезет и мы сумеем найти проводника? — с надеждой спросила Бетти.

— Ведь вы же сказали, что не единственный, кто искал выход. Значит, существуют и другие Сплетенные! Нам надо отыскать кого-то из них в Холмах.

— А ты помнишь, что я сказал про Охотников?

— Помню, но мне, как вы видите, нечего терять! Поэтому давайте поспешим в Холмы.

Рубашечник, пожалуйста. А вдруг наступит ночь и в Холмах будет темно?

— Темно не будет, — заверил он и поднялся с земли. — Темно только в сердце Теней, в остальных местах лишь туман и сумерки. Но если ты просишь, давай поторопимся.

— Рубашечник, а откуда вы сами узнали про Старую Церковь?

Он повернулся к Бетти и удивленно поднял брови.

— Из старинных баллад, конечно же. Откуда же еще можно что-то узнать?

Глава 6.

Следующую часть пути Бетти потратила на то, чтобы выпросить у Рубашечника все про старинные баллады. К ее удивлению, Рубашечник только отмахивался своими длинными руками и наотрез отказывался об этом говорить.

— Это хотя бы баллады из реального мира или из Теней? — настаивала Бетти.

— Оставь такие вопросы, — рассмеялся Рубашечник, но Бетти наседала на него и в буквальном смысле не давала прохода.

Наконец он сдался:

— Ладно, я расскажу тебе, но сам знаю не очень много. Эти баллады... Они, конечно, принадлежат этому месту. Но в той же мере — и твоему миру, который ты называешь «реальным».

— Я называю?..

— Ну конечно. Ведь все относительно. Ты живешь в своем городе, в доме с родителями, ходишь в школу, и для тебя это — реальность, а Тени... Тени — это другой мир, страшный сон, из которого не терпится сбежать, ведь так? Не возражай мне, Бетти. Я вижу ответ в твоих глазах, — улыбка сошла с лица Рубашечника, отчего шрамы вокруг губ стали куда заметнее. — А для меня вот реальность — это Лес, Холмы и Старая Церковь, и я брожу тут в поисках своей памяти и жизни. Видишь, какие мы разные, Бетти Бойл?

Бетти притихла. С такой точки зрения ей еще не доводилось смотреть на вещи. На самом деле, она вообще не думала о Рубашечнике и других обитателях Теней. Ей просто хотелось домой.

— Тени — отражение настоящего мира, конечно же, — продолжал тем временем Рубашечник.

— Как в зеркале, мы отражаем и искажаем пространство и время, поэтому все здесь совсем другое. Я не старею, например, — не изменился ни на миг с тех пор, как открыл здесь глаза. Для кого-то Тени, наоборот, стали местом лучшим, чем твой настоящий мир. Для кого-то — чудовищным проклятием, что, впрочем, не сильно отличается от изначального положения вещей.

— Я что-то не успеваю за ходом твоих мыслей, — пробормотала Бетти.

— Это я уже заговариваюсь, — вздохнул Рубашечник и покачал головой. — Важно вот что:

старинные баллады, о которых мы говорили, конечно же, были написаны в твоей реальности. Только вот здесь они сложились заново из воспоминаний Сплетенных, и истории в них рассказываются уже об этом месте, о Тенях. Теперь понимаешь?

— Понимаю, — кивнула Бетти. Впрочем, уверенности в ее голосе было мало.

— Встретим... еще кого-нибудь? — Бетти внезапно испугалась. Рубашечник внушал ей доверие, но при мысли о том, чтобы встретить кого-то еще из местных жителей, по спине пробежал неприятный холодок. Хотя она же сама еще недавно хотела найти проводника!

— Конечно. Здесь очень много Сплетенных. Будет сложно добраться до Старой Церкви и при этом ни с кем не столкнуться, — Рубашечник опустил свою длинную руку на плечо Бетти. — Не бойся, с тобой ничего не случится. Я не допущу этого. Ты же мне доверяешь?

— Я вам доверяю, — Бетти попыталась улыбнуться. — Вы были ко мне добры и обещали помочь. Просто я... растеряна.

— Тебя можно понять, — Рубашечник широко улыбнулся и остановился. — Видишь, как посветлел лес? Вот там уже опушка. Скажи, ты не устала? Если ты хочешь поспать, то сейчас самое подходящее время. В Холмах будет совсем небезопасно.

Бетти хотела было отказаться, но вдруг усталость тяжело навалилась на нее, камнем прижимая к земле. Бетти села под широкое дерево на мягкую хвою и бесстыдно зевнула.

— Отличный план, мистер Рубашечник, — сказала она.

Глаза девочки нещадно слипались.

— Пока ты будешь спать, я постараюсь собрать ягод и корней и сделать нам ужин, — пообещал Рубашечник. — Впереди непростой путь, и нам понадобится много сил.

Он быстро и явно привычно собрал для Бетти подстилку из мягкого зеленого мха и мягкой хвои. И того, и другого под ногами было предостаточно, и Бетти ощутила себя птенцом в гнезде. От мха исходил сладковатый аромат, ей показалось, что так должна пахнуть лесная земля, дождем и воздухом. И листьями... Бетти провалилась в сон почти мгновенно. Только и успела увидеть, как красно-черный силуэт Рубашечника мелькнул в воздухе над ней — и пропал.

Ей не снилось ничего. Не было Ткачихи, Теней и тонких паучьих нитей, и дома на улице Высоких Осин, и старого бродячего цирка... Ничего не было. В блаженной пустоте парило ее сознание, возвращая силы и уверенность в завтрашнем дне. Впервые в жизни Бетти выпалась так сладко и так хорошо — и так быстро!. По крайней мере, ей показалось, что времени прошло мало: сквозь слипшиеся ото сна ресницы она увидела свет, и он был как будто более тусклый.

Бетти хмыкнула про себя. Вот что за жизнь: сплошные «если бы» да «как будто». Ни о чем нельзя сказать с уверенностью! Ее мама пришла бы в ужас, окажись она в подобных условиях. Ведь она-то всегда и во всем была уверена и продумывала каждый свой день до мельчайших деталей. Она называла это «стилем жизни элегантной леди». Впрочем, Бетти элегантной леди вовсе не была и становиться не хотела, а у настоящих готов и панков все решается в последний момент.

В глубине души она все еще не могла поверить, что все всерьез. Рано или поздно придется признать: это происходит на самом деле, но пока легче было отнестись к путешествию как к занимательной вечернике. Неплохой способ отметить двенадцатилетие: в лесу, с ягодами... Ягоды!

Бетти села в своем гнезде из мха и хвои и огляделась. Она вспомнила, что Рубашечник собирался нарвать ягод и кореньев на ужин. Рядом на подстилке из листьев в самом деле лежала большая горсть ягод, а еще изогнутый кусок коры, в котором искрилась на солнце чистейшая ключевая вода. Но самого Рубашечника видно не было.

— Мистер Рубашечник? — позвала Бетти, но никто не откликнулся.

По спине снова пробежал холодок. А если Рубашечник испугался собственного обещания и бросил ее, пока она спала? Да она в жизни не отыщет его в этом Лесу! А без его помощи еще неизвестно, сможет ли она преодолеть Холмы. Она даже примерно не представляет, где находится эта ужасная Старая Церковь! Вот если бы здесь был Артур Ним, он бы наверняка не позволил оказаться в такой ситуации, у него уже был бы готов план и подробная карта. Но Бетти не была Артуром Нимом, а была просто Бетти Бойл, поэтому она решила поесть ягод и выпить воды: кто знает, когда еще ей доведется поесть в этом странном мире? Ягоды и вода все еще были очень вкусными, и она с наслаждением поужинала. Потом нехотя поднялась из хвойного гнезда и осторожно пошла вперед по тропинке.

— Рубашечник говорил, что вот здесь заканчивается лес, — сказала она вслух. — Значит, если я пойду вперед, то выйду к Холмам. Может быть, он просто ищет больше ягод или задержался по каким-то еще причинам?

Или его поймали Охотники, добавил пробудившийся на задворках сознания внутренний голос.

Бетти вздрогнула. Она совсем забыла, что здесь бродят страшные слуги Ткачихи.

Бетти уже собралась было снова окликнуть Рубашечника по имени, когда услышала приглушенные голоса, и один из них принадлежал ее проводнику. Первым порывом Бетти было броситься к нему, услышав знакомый голос, но что-то дернуло ее, заставило затаиться и осторожно выглянуть из-за дерева.

Там, за последним живым заслоном из деревьев и высоких кустов, была широкая опушка. Наверное, это и был конец леса — по крайней мере, больше не было видно ни деревьев, ни тропинок, только зеленое травяное море. Бетти заставила себя отвести взгляд от Холмов и посмотреть левее, туда, где стояли два человека. Одним из них был Рубашечник. Он опирался спиной на широкое ветвистое дерево, скрестив на груди свои длинные руки. Лицо его было мрачно и серьезно. Над ним нависал плечистый человек с черными волосами, собранными в тугую косу на затылке, и второй голос явно принадлежал ему. Бетти невольно засмотрелась: раньше ей доводилось видеть людей с настолько квадратными челюстями только на картинках и в кино. А этот человек был весь словно высечен из камня. Прямой нос, резкие линии бровей и губ, большие руки: внушительная мускулатура легко угадывалась под черной курткой с мехом. На поясе он держал топор, а за спиной изгибался черным деревом огромный лук. Это Охотник! — осенило вдруг Бетти, и она прижала ладонь ко рту, чтобы не выдать себя случайным восклицанием. Но не похоже было, что Охотник поймал Рубашечника или намеревался причинить ему вред. С того места, где стояла Бетти, нельзя было различить ни слова, но по поведению Рубашечника нельзя было сказать, что он был напуган или нервничал. Скорее он выглядел раздраженным. Он вытянул руку и уперся ладонью в грудь Охотника, ощутимо его отталкивая. Охотник нахмурился и резко что-то произнес.

Бетти осторожно подползла ближе.

— Я сказал: не приближайся ко мне, — с незнакомым холодом сказал Рубашечник, словно в продолжении раннего спора. — И не мешай мне в моих делах. Вмешаешься — я разозлюсь. Ты этого не хочешь.

— Я не буду вмешиваться, — помедлив, ответил Охотник. — Пока не буду. Твори что хочешь, но не забывай, что с этого момента я стану твоей тенью на этом пути.

— Тенью в тенях? Не заговаривайся, Охотник, — Рубашечник собрал в горсть тугую шнуровку на его кожаной куртке и приблизил лицо к его лицу. — Если ты помешаешь мне, то никогда не получишь того, чего хочешь.

— Если ты сдохнешь под Старой Церковью, я тем более ничего не получу, — рыкнул Охотник и сбросил руку Рубашечника со своей груди. — Я свое слово сказал.

— Уходи отсюда, пока нас никто не увидел. Мы стоим на самой опушке.

— Не волнуйся об этом.

Охотник вышел из под дерева и исчез. Бетти только моргнула — а его уже не было нигде. Как сквозь землю провалился! Но удивляться было некогда: мгновением позже пришло осознание, что Рубашечник сейчас вернется к тому месту, где ее оставил. Бетти поспешила уйти, благо,

отойти ей удалось совсем недалеко. Она села на еще теплый мох и наконец шумно выдохнула. Рубашечник — и общие дела с Охотниками? В это верилось с трудом, и во рту было горько, несмотря на привкус земляники.

Глава 7.

Когда Бетти и Рубашечник вышли в Холмы, солнца не было видно. Хотя Бетти только что своими глазами видела, как солнечные лучи падают на укрытую мхом тропинку, стоило выйти из-за деревьев и сделать шаг в сторону, как солнце пропало. Небо заволокли тяжелые свинцовые тучи, превратив небосвод в сплошной серый монолит. Как будто огромная гранитная плита накрыла пространство над бескрайними холмами. Вид этого неба заставил Бетти вспомнить о сооружениях древних — каменных дольменах, которые были настолько же массивны, насколько пугающи.

Сами Холмы поразили воображение Бетти. Повсюду, куда только падал ее взгляд, вздымались сизые груды земли, покрытые редкой зеленой травой. Повсюду тянулись серебристые нити. Земля пузырилась, словно перед извержением вулкана. К горизонту тянулась серая пепельная пустошь. Клоки тумана бродили между Холмами, как неприкаянные призраки. Это сумрачные облака пугали, пожалуй, даже больше внезапно изменившейся погоды.

Бетти поежилась: вокруг ощутимо похолодало. В лесу было тепло и солнечно, здесь же налетел холодный ветер и пробрал до самых костей, заставив дрожать. Рубашечник неожиданно провел ладонью по ее спине, и Бетти чудом удержалась от вскрика.

— Что вы делаете?!

— Тебя снова плетут, — в голосе Рубашечника звучало беспокойство. — Видишь нити?

Обернись.

Бетти осторожно посмотрела через плечо. На ладони Рубашечника блестела серебряная нить, исчезая в ближайшем туманном облаке.

— Мы должны поспешить. Здесь мы как на ладони.

— Ты говорил, что в Холмах много нитей?

— И много Сплетенных. И Охотников. Холмы — это очень небезопасное место.

Рубашечник оборвал нить (Бетти все-таки вскрикнула) и быстрым шагом пошел вперед, велел не отставать и не задерживаться. Бетти поспешила за ним. Его красно-черная рубашка была легко различима даже в сумрачном тумане.

После странного разговора с Охотником, свидетелем которого она невольно стала, девочка не

была готова во всем доверять своему спутнику. Теперь она знала, что у него имеются тайны и какие-то свои интересы в том, чтобы добраться до Старой Церкви. Но она благоразумно решила помалкивать.

В конце концов, Рубашечник — взрослый человек. Даже очень взрослый, если вспомнить, что он пробыл в Тенях долгое время. А у взрослых людей — это Бетти знала уже очень хорошо — постоянно были какие-то тайны. При этом взрослые умудрялись делать тайны из совершенно безобидных на взгляд девочки вещей. Она это знала потому, что у мамы вечно были секреты от папы, вроде счета из косметического салона; а у папы какие-то свои тайны от мамы, о них Бетти никак не удавалось узнать; а у мисс Сюзи Гвинн в конторке хранились шоколадные конфеты, которые она ела в тайне не только от учеников, но и от других учителей. Только Артур Ним все равно это заметил и рассказал Бетти под очень большим секретом. Они подумали, что можно как-то воздействовать на мисс Сюзи, но до сих пор не решили как. Поэтому Бетти не сильно удивилась, поняв, что Рубашечник не все ей рассказывал. Просто взяла на заметку, что с ним стоит быть начеку. Но Рубашечник все еще оставался ее единственным другом и союзником в этом опасном мире, и только он знал, куда и зачем они идут.

Вот здесь, кстати, тоже был интересный момент. Бетти удивилась, как это она не подумала сразу — Рубашечник никогда не говорил, что именно они должны делать у Старой Церкви! Только то, что она должна туда пойти. И что так было в старинных балладах, которые тут же отказался цитировать. Это было очень подозрительно.

Но подозревать и опасаться единственного друга, стоя посреди туманной пустоши, было бы очень глупым поступком, а Бетти не была воспитана как девочка, которая совершает глупые поступки. Ее папа был очень рациональным человеком и всегда требовал от нее думать, прежде чем делать, и не поддаваться импульсам. Поэтому Бетти решила, что поговорит с Рубашечником позже и все неудобные вопросы тоже задаст потом. А сейчас ей надо идти следом за ним и ни в коем случае не потерять из вида его красно-черную клетчатую рубашку и длинные белые волосы.

- Бетти, не отставай! — Рубашечник оглянулся. — Тебе тяжело идти? Хочешь взять меня за руку?

— Если можно! — Бетти вцепилась в его ладонь. К ее ужасу, ее собственная ладошка была влажной от пота. Ветер бил в лицо, и идти было не только холодно, но и трудно, приходилось преодолевать его напор, чтобы сделать следующий шаг.

— Ветра здесь дуют по часам! — крикнул Рубашечник, продолжая идти вперед. — Это

Татгэвит, он скоро должен закончиться. Самый злой из ветров!

— А что, есть и добрые?

— Конечно, есть! Когда подует Диртгэвит, ты сразу поймешь: он теплый и мягкий, добрый, как улыбка матери или руки няни. Но берегись Гэвитанира: он похож на своего брата Диртгэвита, но лишь притворяется мягким. На самом деле он коварен и зол.

— Как ветер может быть коварным?

— Он меняет линии в Холмах.

— Какие линии?

— Видишь тропинку, по которой мы идем? — Рубашечник показал вниз, и Бетти только сейчас обратила внимание на то, что они идут по узенькой, крепко вытоптанной дорожке. — Пока не задул Гэвитанир, мы можем спокойно идти вперед. Но потом придется делать передышку и изучать местность заново. Он приносит перемены и беспорядок.

— Какой вредный ветер, — возмутилась Бетти.

— Просто он бунтарь, — улыбнулся Рубашечник, почему-то посмотрев при этом на Бетти.

— Ну а четвертый ветер? Он есть?

— Конечно. Его зовут Таобсьер, и он самое равнодушное создание из всех, какие только водятся в Тенях. Зато именно он приносит с окраин потерянные нити, и благодаря ему такие, как я, могут попытаться вернуть свою жизнь.

Бетти приоткрыла рот и тут же закрыла его. До этого дня ей в голову не приходило, что можно думать о ветре как о живом существе. Но эти ветры явно доказывали ей обратное. Рубашечник оказался прав: очень скоро Татгэвит умчался прочь, куда-то в сторону Леса. Наверняка у него было еще много дел в Тенях. На несколько мгновений все стихло. Бетти показалось, что время вокруг остановилось. Редкую траву на пустоши ничто не пригибало к земле, даже маленький камушек не шевелился под ногами. Они как раз взобрались на возвышенность, и оттуда открывался вид на бескрайнюю холмистую местность.

— Куда нам теперь? — тихо спросила Бетти, прижимаясь к Рубашечнику.

— Вперед, — так же тихо и очень твердо ответил он.

Бетти заглянула снизу вверх в его лицо: на нем отражалась решимость идти до конца. Возможно, его тоже пугала неизвестность. Бетти зажмурилась на мгновение, а когда открыла глаза, то увидела, как меняется пейзаж. С холмами сложно кто-то играл в пятнашки, они менялись местами, и тропинки изгибались так быстро, что глаз не мог уловить движение, только мгновенную смену пейзажа.

— Плохо дело, — изменившимся голосом сказал Рубашечник. — Порядок не тот. Сегодня

Гэвитанир на дежурстве. А я думал, мы успеем к убежищу.

— Здесь есть убежище?!

— Да, некоторые холмы слишком стары и ленивы, и Гэвитанир обходит их стороной: ему совсем не хочется с ними связываться, даже он понимает, что это бесполезно. Но наш холм не такой...

— Что же делать? — заволновалась Бетти. — Бежать?

— Не успеем, он слишком быстрый!

Бетти стало страшно. Неужели они в ловушке?

— Если Гэвитанир нас зацепит, что с нами будет? — спросила она.

Рубашечник покачал головой.

— Я не знаю. Я всегда успевал спрятаться...

Бетти зажмурилась. Вдруг ее внимание привлек неожиданный звук. Шуршание и скрежет, такие странные в этом пустынном месте. Часть холма вздрогнула и откинулась в сторону, как крышка от банки, открывая путь в довольно глубокую нору.

— Эй вы! — раздался оттуда звонкий девичий голос. — Сюда, быстро! Гэвитанир медлить не станет!

— И мы не промедлим, — повеселел Рубашечник. — Бетти, прыгай первая!

Бетти задержала дыхание и прыгнула вниз. Хотя честнее будет сказать — просто свалилась кулем, но внизу ее подхватили четыре бледных и тонких, точно фарфоровых, руки и осторожно поставили на землю. Рубашечник прыгнул следом. Его высокий рост позволил ему задвинуть земляное отверстие. Нора погрузилась в темноту, но ненадолго: сначала в глубине загорелся тонкий огонек свечи, а потом несколько изящных настенных ламп.

— Где это мы? — огляделась Бетти. — Да здесь же самый настоящий дом!

— Это наш дом, — из темноты вышла девочка..

На вид ей было не больше десяти лет, а ростом она едва доходила Бетти до плеча. У нее были длинные каштановые волосы, собранные в красивые косы, и нежно-голубое платье в оборках. Но больше всего Бетти поразили ее огромные синие глаза с такими черными ресницами, каких в природе обычно и не бывает.

— Я Мэри-Энн, — представилась девочка и сделала изящный книксен.

— И я Мэри-Энн, — прошебетал точно такой же голос за спиной Бетти.

Бетти обернулась и не сумела сдержать удивленного восклицания: за ней оказалась точная копия первой девочки.

— Вот это да, — воскликнул Рубашечник и хлопнул в ладоши. — Их двое!

— Нас двое, — кивнула первая Мэри-Энн. — Но мы не сестры и не близнецы. Это чтобы у вас не сложилось о нас превратного мнения.

— Как так? — растерялась Бетти.

Ей казалось, что одинаковые девочки могут быть только сестрами-близнецами. Двойняшками. А как же еще?

— Я — это она! — сообщила первая Мэри-Энн и показала на вторую девочку.

— А она — это я, — весело добавила вторая.

— Давайте, чтобы вас не путать, мы будем называть тебя Мэри, а тебя — Энн? — вмешался Рубашечник.

Девочки переглянулись и неуверенно кивнули.

— Вот и славно!

— А вы кто? — хором спросили они.

— Меня называют Рубашечник, а это — Бетти Бойл. Мы ищем дорогу к Старой Церкви.

— Тогда вы попали по адресу! — обрадовалась Мэри.

— Мы знаем все про Холмы. Мы даже сделали карту Теней, — добавила Энн.

— Идите за нами, — Мэри схватила за руку Бетти. Рука у нее была очень холодная.

Энн взяла под локоть Рубашечника и повела вперед, в самую глубь темной пещеры.

Глава 8.

Больше всего Бетти поразили даже не две одинаковые девочки, а то, что в пещере у них был целый дом. Она разглядывала стол, стулья, большую кровать и удобные полочки с чайником и двумя чашками и недоумевала: откуда такое в Тенях? Она видела достаточно, чтобы решить, что цивилизация сюда еще не добралась.

Мэри взяла чайник с полки и, встретившись взглядом с Бетти, ответила на невысказанный вопрос:

— Все вокруг создано из наших Нитей Памяти. Поэтому не удивляйся сильно.

Легко сказать — не удивляйся! Рубашечник закашлялся, услышав такое объяснение, и Бетти подбежала, чтобы похлопать его по спине. Отдышавшись, Рубашечник спросил:

— Как вы так используете Нити? Я слышал, что подобное возможно, но ведь это значит навсегда расстаться со своими воспоминаниями...

— У нас есть некоторый резерв, которым можно пожертвовать, — объяснила Энн. — К тому же мне совсем не обязательно помнить этот стол. Он ничем не поможет, если будет в моей

памяти. А сидеть за ним гораздо приятнее.

— И мне приятнее спать на мягкой кровати, а не вспоминать о ней, ежась на колючей хвое Леса! — добавила Мэри и начала разливать по чашкам чай.

Это был самый настоящий чай! Горячий, хотя Бетти понятия не имела, откуда они взяли воду и заварку. Но ответ тоже нашелся просто: в чайнике сиял кусочек нити.

— Это наша память о чае, — сказала Энн и протянула чашку Рубашечнику.

— Мы помним очень много чая, поэтому пейте, не стесняйтесь: нам хватит еще надолго, — Мэри пригласила Бетти к столу.

Бетти поднесла чашку к губам. Это оказался очень хороший чай, такой часто подавали к столу у нее дома. У Бетти комок подкатил к горлу от этих мыслей. Она вдруг вспомнила родителей и поняла, как сильно соскучилась по дому, по улице Высоких Осин, по соседям и даже по задаваке Энии Мораг. Ей захотелось снова оказаться в своей комнате с черными наволочками, надеть идиотское парадное платье и есть чудесный торт, заказанный специально для нее.

Он моргнула, прогоняя слезы, и подняла голову. Рубашеник смотрел на нее в упор, и в его чудесных серых глазах читалась тревога. Бетти улыбнулась ему и сделала еще глоток чая.

Рубашечник с сомнением отвел взгляд и обратился к близняшкам:

— Расскажите нам, кто вы такие? Если вы не сестры, то кто вы тогда? Я никогда о вас не слышал, хотя уже давно в Тенях.

— Мы — Мэри-Энн, — сказала Энн за обеих. — И мы почти ни с кем здесь не общаемся. Нам достаточно друг друга. Другие Сплетенные бегают и ищут свою память, а нам и тут хорошо. Мы не хотим обратно, хватит с нас.

— То есть, поначалу мы тоже искали свою память, а потом решили сделать вот это вот. — вставила Мэри.

— Вообще-то я оказалась здесь первой, — внесла уточнение Энн, — и некоторое время бродила в Холмах и искала свои нити. Но их было очень мало.

— Все потому, что Ткачиха еще не сплела меня. А когда сплела и мы встретились, мы решили, что так намного лучше.

— И все-таки я не понимаю... Как это случилось? — допытывался Рубашечник.

Бетти слушала молча. Ей до жути было интересно, что же скажут Мэри и Энн.

— Вообще мы когда-то были одной девушкой по имени Мэри-Энн, — объяснила, наконец, Энн. — И однажды Ткачиха начала плести нашу жизнь. Но мы — тогда еще я одна — поняли, что происходит, достаточно рано и решили бороться. Мы, то есть я, понимали, что плетение

— это смертельная болезнь, от которой нельзя сбежать, но можно отсрочить. Мэри-Энн была врачом, но мечтала писать книги. Поэтому нам удалось создать вторую личность и спрятать ее в глубине первой, чтобы Ткачиха не заметила. Так появилась Мэри. И, когда Ткачиха сплела Энн и утащила ее в Тени, Мэри осталась жить нашу жизнь в нашем теле.

— Мы выиграли несколько лет! — гордо сказала Мэри. — За это время я успела написать книгу о Ткачихе. Вернее, я так ее не называла, я использовала серьезные научные термины для того, чтобы описать свое состояние, но суть была та же.

— Книга стала бестселлером, а Мэри-Энн прославилась на весь свет!

— И потом уже Ткачиха меня заметила и доплела. Там, признаться, немного оставалось, но это того стоило!

— С тех пор мы живем здесь, в Холмах.

Рубашечник и Бетти переглянулись. По его растерянному взгляду Бетти поняла, что история чересчур невероятна даже для него, вроде как местного жителя, всякое повидавшего.

— Между прочим, когда мы встретились, то оказалось, что мы совершенно разные, — сказала Энн.

— Она вечно со мной спорит! — тут же сказала Мэри, и девочки засмеялись.

— А сколько вам было лет, когда вас сплели? — застенчиво спросила Бетти. Она не была уверена, насколько вежливо задавать такие вопросы, но любопытство пересилило: девочки выглядели такими молодыми, но по их рассказам выходило, что они прожили долгую жизнь.

— Нам? — девочки переглянулись. — Мы не помним!

— Но много, — сказала Энн. — Я была уже взрослая, когда попала сюда.

— А я еще старше! — добавила Мэри.

Бетти подумала, что не такие уж они и одинаковые. Энн всегда оставалась серьезной, даже если смеялась, а Мэри задорно улыбалась, и глаза у нее сверкали. Спутать их теперь, познакомившись поближе, было сложно.

— Почему вы тогда выглядите так... молодо? — судя по тону вопроса, Рубашечник тоже ощущал себя не в своей тарелке.

— Мы вытащили этот образ из нашей памяти, — кажется, обрадовалась вопросу Энн. — Точнее, я вытащила, когда оказалась здесь, а Мэри понравилось. Это было счастливое время, беззаботное детство. Что может быть лучше: носить платья и быть похожей на куклу?

Бетти незаметно поморщилась. Она была уверена, что все, что угодно, лучше, чем быть похожей на куклу. Но, к счастью, Мэри и Энн не интересовались ее мнением. Энн вообще больше обращалась к Рубашечнику, чем к ней: кажется, он ей понравился. А Мэри старалась

обращать больше внимания на Бетти, но по большей части ее взгляд был прикован к Энн.

— Мы даже не поблагодарили вас за спасение! — спохватился Рубашечник. — Я так долго не был в Холмах, что едва не угодил в беду, да и Бетти за собой потащил. Если бы не вы, нам бы худо пришлось!

— Энн сразу сказала: наверняка им что-то очень надо, иначе бы они не полезли прямо под Гэвитанир. Вам же что-то очень надо? — прямо спросила Мэри.

— Да, — ответила Бетти за Рубашечника. — Нам очень надо попасть к Старой Церкви как можно скорее. — У меня очень мало времени. Понимаете, я попала сюда живьем. Прошла через сердце Теней, и теперь Рубашечник — мы подружились в Лесу — пытается вывести меня обратно домой. А если Ткачиха меня сплетет, я останусь здесь навсегда.

— Но если Ткачиха тебя уже плетет, какая разница? — пожала плечами Энн. — Днем больше, днем меньше. Оставайся здесь.

— Мы затем и идем к Старой Церкви, — пояснил Рубашечник. — Старые баллады гласят, что там есть проход, через который Ткачиха не может дотянуться. Для Бетти это шанс.

Мэри и Энн переглянулись.

— Хорошо, — решительно сказала Энн. — Мы вам поможем, потому что вы нам понравились. Мэри, принеси нашу карту.

Мэри исчезла в глубине пещеры и через некоторое время вернулась с большим, свернутым в трубочку листом. Она разложила его на столе, и Бетти с Рубашечником склонились над ней.

— Вот это да, — прошептал Рубашечник с восторгом в голосе. — Это и в самом деле карта Теней! Поверить не могу, что вижу ее своими глазами...

Глава 9.

Это и вправду оказалась самая настоящая карта Теней. Рубашечник недоверчиво провел пальцем по переплетающимся черным линиям и посмотрел на Мэри:

— Просто невероятно. Как вы смогли составить ее, если все время сидите здесь?

— Во-первых, я уже говорила: мы не сразу осели в Холмах, — засмеялась в ответ Энн. — А во-вторых, сюда кто только не попадает!

— Мы стараемся помогать всем, — подхватила Мэри. — Ветра такие непредсказуемые.

— А еще нам интересно, получится ли у кого-нибудь полностью собрать себя обратно!

— Вот ты, — Мэри вытянула руку с выставленным вперед указательным пальцем и с силой ткнула Рубашечника в плечо. — Тебе много осталось?

— Я надеюсь, что не очень, — улыбнулся он. — Но поиски последних нитей могут затянуться на целую вечность. И свое имя я так и не вспомнил.

— Имя — ерунда. Важно только точно знать, кем ты являешься и куда ты идешь.

— В Тенях с этим проблема, — улыбка Рубашечника ослепляла, но Бетти вдруг заметила, что глазами он оставался серьезен. — Здесь я никуда не иду и никем не являюсь.

— Неправдочка ваша! — стукнула кулаком по столу Энн и нахмурила свои кукольные брови.

— Вот прямо сейчас ты идешь вперед, к Старой церкви. И являешься проводником Бетти.

Вот, считай и ответ тебе нашлся.

— Но это временный ответ!

— А ты хотел постоянный? Без перемен нет жизни. И выходов из сложностей тоже нет.

Энн переглянулась с Мэри, и они обе решительно кивнули, тряхнув каштановыми косами.

— Нельзя выйти в ту же дверь, в которую вошел, — продолжила Мэри. — Нам потребовалось много-много лет, чтобы это понять.

— Дело не в том, что ты возвращаешься откуда-то измененным, — поторопилась добавить Энн. — Все по-другому: если ты не поменяешься, ты не найдешь дверь.

Бетти растерянно смотрела на близняшек и не понимала ничего из их слов.

— Что я должна сделать, чтобы вернуться домой? — осторожно спросила она.

Судя по вопросительным взглядам, с которыми Энн, Мэри и Рубашечник повернулись к ней, они начисто забыли о ее существовании. Бетти огорченно моргнула. Рубашечник опомнился первым и скороговоркой произнес:

— Ты должна обойти Старую Церковь превратно, конечно.

— А далеко до нее идти?

— Зависит от угла зрения, — сказала Мэри и указала пальцем на точку на карте. — И еще откуда ты выйдешь. Холмы очень переменчивы, знаешь ли.

— В любом случае, вам предстоит пройти через все Холмы, потому что Старая Церковь стоит очень далеко, за ними. Так далеко, что мы сами туда никогда не ходили, — добавила Энн.

— Мы нанесли ее на карту, потому что все легенды говорят, что она там есть. Но сами не видели и не поручимся, что это не выдумки. — Мэри прочертила пальцем линию. — Вот отсюда лучше выйти. Наш Холм здесь выходит на равнину, которую облюбовал для себя Таобсьер. Ему будет все равно, если во время его дежурства кто-то выйдет в Холмы, и это место достаточно ровное, чтобы идти прямо и ни разу не сбиться. Если Церковь и правда есть...

— Церковь правда есть, — перебил Рубашечник. — Я видел ее своими глазами. Но я так же

видел и Топи, и Вечерний мост. Мы должны попасть на мост так, чтобы ни шагу не ступить в Топи, иначе мы все погибнем, не говоря уже о Бетти.

— Какие еще Топи? — нахмурилась Бетти.

До этого момента разговор шел только про блуждающие Холмы и буйствующие ветра, и с ними она как-то уже смирилась. Но Топи стали для нее чем-то новым.

— Топи... — замялась Энн.

— Топи это Топи, — пришел ей на помощь Рубашечник. — Ты же помнишь, как чувствовала себя, когда поняла, что Ткачиха тебя плетет?

Бетти кивнула.

— Я была в отчаянии и постоянно плакала.

— А теперь?

— Некогда мне теперь плакать. Я выбраться отсюда хочу!

Рубашечник рассмеялся:

— Вот! Молодец, боевой дух! Только мы все рано или поздно уставали от отчаяния и слез.

Иначе бы никто не мог даже попытаться что-то изменить. А куда делась вся тоска и печаль?

— Топи — это боль всех-всех-всех, кого Ткачиха когда-либо сплела, — грустно сказала Мэри. — И если угодить в ловушку, никогда оттуда не выберешься. Нет ничего более затягивающего, чем чужое отчаяние. Со своим ты еще можешь попробовать побороться. Но чужое одолеет тебя в считанные минуты.

— Тогда я точно не хочу провалиться в Топи, — поежилась Бетти.

— Поэтому мы в Топи и не пойдем, — Рубашечник постучал ногтем по карте. — Вечерний мост потому так называется, что появляется только по вечерам. А в Холмах всегда сумерки, поэтому вечер можно только вычислить... Или надеяться на удачу.

— Скорее уж вечер приходит, когда появляется мост, чем мост появляется под вечер, — тряхнула кудрями Энн. — Совершенно безумная затея.

— Мы с тобой останемся здесь и будем пить чай, — успокаивающе погладила ее по рукаву Мэри и наткнулась на яростный взгляд:

— Мы?! Мэри! Опомнись! Если мы останемся здесь и будем пить чай, мы никогда в жизни не узнаем, чем все закончилось. Ты хочешь навсегда остаться в неведении?

Рубашечник нахмурился и скрестил руки на груди, разом растеряв всю веселость.

— Девушки, так не годится. Вам с нами идти опасно.

— Ты кто такой, чтобы нам указывать?! — Энн вся пылала от праведного возмущения. Глаза ее горели, щеки покраснелись, и она показалась Бетти еще красивей..

Мэри растерянно стояла позади с чайником в руках и переводила взгляд с Энн на Рубашечника и обратно.

— Я тот, кто через эти Холмы ходил! — ответил, наконец, Рубашечник, и от голоса его повеяло морозным холодом. — И знаю, что там не место для маленьких девочек.

— Судишь всех по внешности, ковбой? — взъелась Энн. — Может, мы и выглядим как фарфоровые куклы, но мы на самом деле совсем не такие. И пожилы, может быть, побольше тебя.

— Зато я не расходую свою память на безделушки!

— Зато мы не коллекционируем бездумно единственный живой ресурс, а обращаем его хоть во что-то полезное!

— Тихо-тихо-тихо! — вклинилась между ними Бетти, готовая уже разнимать драчунов.

Сама Бетти почти не дралась, но вот в школе пару раз бывали большие драки. После этого всегда случались профилактические разговоры со всеми родителями сразу, и Бетти часто прилетало за этот беспорядок: все же ее родители были очень занятыми людьми. Поэтому она на дух не переносила драки. Тем более, сейчас это было явно лишним.

— Мне надо спешить! Ткачиха меня плетет! — почти крикнула она. — А вы тут спорите неизвестно о чем!

Рубашечник смутился.

— Бетти права. Давайте поторопимся.

Энн торжествующе ухмыльнулась и победно вскинула руки вверх:

— Мэри, упакуй карту и чайник, мы идем в приключение!

Глава 10.

Бетти вышла из Холмов последней. Рубашечник подал ей руку, и она, подтянувшись, ухватила свободной ладонью за скользкий дерн, уперлась коленом в мокрую землю и выпала на влажную траву.

— Здесь шел дождь? — спросила она. — Тут мокро.

— Вставай, простудишься! — затеребила ее Мэри.

— Это не дождь. Это роса.

— И эта роса?.. — Бетти села на траву и огляделась.

— Наши слезы. Да ты и сама уже поняла, — Рубашечник пожал плечами. — Смотри-ка, тебя в скором времени будет вообще ничем не удивить!

— Если честно, мне сейчас совсем не хочется удивляться.

— Бетти, пойдём. На земле правда лучше не сидеть, — Энн закинула на плечо котомку с чайником и картой и посмотрела вдаль, на переплетение мерцающих серебряных нитей. — Как понять, какая из них правильная?

— Проще простого, — сказал Рубашечник и выбросил руку вверх. Тотчас же одна из нитей упала ему в ладонь. — Это наша. Восточная.

— Мы должны торопиться. Роса тает на глазах. Она всегда выпадает перед тем, как придет Таобсьер и принесет новые нити. — нахмурилась Энн.

Мэри вздрогнула:

— Слишком долго медлили. Таобсьер уже пришел.

Бетти недоуменно огляделась. К ней медленно подплывал фиолетовый сгусток тумана, похожий на дымчатую плюшевую овцу — среди ее старых детских игрушек была похожая.

— Что это? — по спине девочки пробежал тревожный холодок.

— Это и есть Таобсьер, равнодушный ветер, — ответил Рубашечник, наматывая на руку путеводную нить. Видно было, что ему это давалось нелегко. — Пожалуйста, Бетти, нам надо спешить. И не вздумай его трогать, не взду!...

Но Бетти уже протянула руку и погладила ветер по туманному загривку.

— Ему грустно, — сказала она. — Это из-за росы?

— Кому угодно станет грустно от этой росы, — проворчал Рубашечник и зябко повел плечами. — Бетти, сделай что-нибудь с этим облаком и пойдём, пока у нас еще есть время.

— Сейчас, сейчас, — отозвалась Бетти, не в силах расстаться с Таобсьером. — А может быть, он пойдет с нами?

Рубашечник закатил глаза. Бетти сварливо подумала, что в начале пути он казался ей намного более милым. С другой стороны, пока они были в Лесу, ворчать и ругаться было не из-за чего, а в Холмах все стало иначе. Даже небо стало малахитово-зеленым с сумеречно-синими отблесками, зимнее, тяжелое небо, от которого кружилась голова и было трудно дышать. Тут у любого характер испортится.

Она поднялась на ноги и отряхнула джинсы от болотной грязи. Ботинки неприятно хлюпали, но в остальном земля казалась устойчивой. Фиолетовый сгусток тумана льнул к ногам. Мэри смотрела на него с тем же отвращением, с которым взглядывала жигу, пачкавшую ее белые туфельки, Энн же, казалось, с философским спокойствием приняла новое положение дел.

— Вот как получается, — сказала она и улыбнулась. — Четверо нас и ветер. Хорошая же у нас компания!

— Главное, чтобы этот ветер не навел на нас Ткачиху, — поделился опасениями Рубашечник, но Энн только рукой махнула:

— Это же Таобсьер. Его точно не волнует Ткачиха и ее желания, и Охотники его не волнуют. Ему интересны нити...

— Слышишь? — обратилась Бетти к облаку. — Там, куда мы идем, будет много разных нитей. Пойдешь с нами?

И ей показалось, что дымчатая овечья голова кивнула.

— Он идет с нами! — твердо сказала она.

— С нами так с нами. Надо мне тут споры разводить, — Рубашечник выглядел раздосадованным, но смирившимся. Нить в его ладони сияла и рвалась вперед. — Но мы должны спешить.

И они пошли вперед, через бескрайние темно-зеленые топкие Холмы, в которых Бетти запуталась уже через первый десяток шагов. Мэри широко шагала впереди, уткнувшись в тускло мерцающую в тумане карту, и время от времени направляла спутников, взмахивая правой и левой рукой по очереди. Иногда она начинала спорить с Рубашечником, когда карта и путеводная нить показывали в разные стороны, но каким-то образом они снова приходили к согласию и продолжали идти вперед. Энн шла поодаль, напевая под нос и с интересом рассматривая окрестности. Бетти взяла на руки туманное облако Таобсьера: хоть с таким компаньоном ей было гораздо спокойнее. Таобсьер был меньше и казался таким беззащитным, что она забывала, что была просто двенадцатилетней девочкой, чью жизнь с минуты на минуту сплетет Ткачиха, и казалась себе очень взрослой и смелой.

Клетчатая спина Рубашечника маячила впереди рядом с Мэри, и у Бетти так и не появилось желания идти рядом с ним. Наоборот: она укрепилась во мнении, что Рубашечник не так прост, как показался ей вначале, и лучше ей быть с ним настороже.

Но, определенно, даже такой друг был лучше, чем никакого друга. Когда он обернулся через плечо, широко улыбаясь, у Бетти екнуло сердце. Его седые волосы слегка намokли от влажного воздуха, а глаза, наоборот, сияли в предвкушении.

— Совсем близко — и так далеко! — весело пожаловался он. — С Холмами никогда не угадаешь точное расстояние!

— Но ты ведь сказал, что уже был там? — спросила Бетти, и Рубашечник пожал костлявыми плечами:

— Был. Но я был в другое время и шел из другого места, а это кардинально меняет картину... И даже карту!

— Послушайте, — Энн оборвала свою песенку и остановилась. — А откуда вообще взялась Церковь?

— А откуда взялись Холмы и Лес? — равнодушно отозвалась Мэри. — Пойдем, лучше на одном месте не задерживаться.

— Да в том-то и дело, что Холмы и Лес! — продолжала Энн, пораженная собственным внезапным открытием. — Я никогда не думала в таком ключе. Это же места, по которым ходит Ткачиха. Они большие и открытые, а наполняем их уже мы: сплетенные...

— Это в каком смысле «наполняем»? — поежилась Бетти и крепче прижала к себе Таобсьера. Туманный сгусток, казалось, потеплел и уплотнился в ее руках, и даже начал немного сиять.

— Думаю, Энн говорит о своем опыте и переносит его на мир вокруг, — ответил вместо Энн Рубашечник. — Если Мэри-Энн смогли создать чайник и карту, то Ткачиха может создать и деревья, и церковь, правильно?

— Нет, все не так. В смысле, принцип тот же, но все, что в Холмах и Лесу, создают сплетенные! — Энн немедленно бросилась в спор.

— Вот еще, заняться сплетенным нечем! — парировал Рубашечник. — Я многих знаю, и вы первые, кто решили потратить драгоценные воспоминания на вещи. В основном мы хотим просто стать самими собой.

— Мы с Мэри хотя бы нашли способ сделать себя счастливыми!

— Я делаю себя счастливым тем, что нахожу свои личные нити. Не всем так везет, как вам. Бетти показалось, что Рубашечник разговаривает с Энн ужасно грубо. С другой стороны, она и сама была изрядно раздражена. Возможно, так на них действовал странный воздух Холмов.

— Эти Холмы следовало бы назвать Болота! — пробурчала она.

— Говорят, когда-то это и были Болота, но потом затвердели, — не оборачиваясь, ответила Мэри. — Еще говорят, что здесь был шторм, и Холмы — застывшие волны, а еще — что внутри каждого Холма есть клубок нитей, и тот, кто его найдет, получит силу...

— Ага, а еще говорят, что эти места принадлежали эльфам, пока Ткачиха не пришла и не убила их всех, — фыркнула Энн.

— А вот и принадлежали, — Мэри остановилась, уперев каблуки в землю. — Посмотри, как вокруг красиво. Жутко, но красиво. Разве Ткачиха могла бы так?

— Подождите, эльфы? — Бетти влезла между сестрами и теперь переводила взгляд с одной на другую.

— Эльфы! — хором ответили близнецы, и Мэри снова взяла слово: — Конечно, эльфы существовали. Не могла же эта земля быть ничьей.

— Так и Ткачиха всегда существовала, — возразила Энн.

— Нет! Мы не знаем, как долго живет Ткачиха. Но ареал ее обитания — вечная тьма.

— И это правда, — кивнула Бетти. — Когда я попала сюда... Я оказалась в непроглядной темноте и только потом вышла в лес. Мне помогла нить Рубашечника. И он сказал тогда, что я была в Сердце.

— Правильно, где Сердце, там темнее всего. Никто из нас там не был, но все об этом знают,

— Мэри накрутила на палец кудрявую прядь. — Я все-таки уверена, что эльфы на самом деле были.

— Выдумка твои эльфы! — Энн наступила туфелькой в особо грязную лужу и с отвращением рассматривала пятна грязи на кружевном белом чулке. — Выдумка! Ты просто начиталась сказок про них. Люди всегда в них верили, в надежде объяснить всякие странные вещи, до которых не додумалась наука.

— Не до всего в этой жизни может додуматься наука!

— Но ты же додумалась научно объяснить Ткачиху?

— Я выдумала терминологию!

— А почему?

— Потому что тогда Ткачиха была бы просто сказкой!

— Как твои эльфы?!

— Стойте! — Бетти почувствовала себя судьей на боксерском ринге. Наблюдать, как две одинаковые кукольные девочки вот-вот вцепятся друг другу в волосы, было бы забавно, если бы не дрожащие серебряные нити, плывущие вокруг мерцающей паутиной. — О чем вы спорите вообще? Я читала, что эльфы когда-то были на земле, а потом ушли.

— Потому что их сплели, — тихо обронил Рубашечник, и девочки повернулись к нему.

Рубашечник стоял, с видимым трудом удерживая в кулаке вырывающуюся нить: длинные волосы бросали тень на его лицо, не давая разглядеть выражение.

— Их сплели, — повторил он. — Когда пришла Ткачиха. Они ушли с земли, чтобы найти покой. Нашли другой мир, красивее, тише, лучше... Когда напала тоска, многие подумали: мы скучаем по дому, по людям, с которыми столетиями жили бок о бок. И не сразу осознали, что их плетут. Ткачиха набирала силу, ведь эльфы обладали удивительной древней магией, которая наполняла ее с каждой отнятой жизнью. Ей понадобилось не слишком много времени, чтобы уничтожить всех эльфов. Не уцелел никто. Этот мир — лишь останки волшебных земель, заповедник игрушек, чтобы Ткачихе не было скучно. Она пресытилась, наелась, и теперь ей захотелось играть с нами, как кошке с мышкой. И Лес, и Холмы, и Поле она

превратила в свои владения, но было и то, что оказалось ей не подвластно. Старая Церковь, в которую последние оставшиеся в живых эльфы вложили свою магию... и души. В это место почти невозможно попасть. Но что важно для нас: это место недосыгаемо для Ткачихи!

— Получается, Старая Церковь — последняя эльфийская крепость? — замороженно проговорила Бетти.

— Эльфы связали ее с одной из земных церквей, оставив проход между нашими мирами. Той дорогой люди когда-то попадали сюда, в этот дивный мир. И этой же дорогой у них был крохотный шанс вернуться назад, если только они могли вспомнить, зачем.

— Поэтому ты так цепляешься за воспоминания? — Бетти крепче вцепилась в Таобсьера. — Ты... Вот зачем тебе к Старой Церкви? Ты сам хочешь вернуться домой!

— Тише ты! — Рубашечник прижал палец к губам. — Услышат же.

— Откуда ты все это знаешь, парень? — Мэри-Энн уперлись руками в бока и насупились так одинаково, что в другой ситуации Бетти бы неизбежно рассмеялась.

— Давно хожу в Холмах, — ответил Рубашечник так уклончиво, что всем стало ясно: он врет.

Бетти вспомнила подслушанный разговор с Охотником. Может ли такое быть, что

Рубашечник вступил с ним в сговор? Насколько опасно это может быть?

Таобсьер на руках у Бетти вдруг заволновался, плюшевая овечья голова завертелась из стороны в сторону.

— Что с ним? — вскрикнула девочка.

— Ветер меняется, — ответил Рубашечник. — Слишком быстро меняется. Бежим! Нам надо добраться до следующего Холма, может быть, мы сможем укрыться там!

Глава 11.

Очень скоро Бетти и сама ощутила, что такое смена ветра. Она продрогла до костей, и бежать становилось все тяжелее: ее тяжелые ботинки с чавкающим звуком утопали в Топях, а Таобсьер намок и оттягивал руки. Но спустить его на землю она не решалась: ей показалось, что взволнованный ветер ищет у нее защиты.

Рядом ворчала Энн, оставившая надежду спасти туфельки, Мэри спрятала карту в сумку и сосредоточилась на преодолении топей, и только Рубашечнику, казалось, все было нипочем: он запросто перешагивал особенно гадкие места в траве, и шаг его был таким легким, словно он все еще гулял по Лесу в поисках ягод.

— Что за ветер дует? — крикнула Бетти, и ей в лицо тут же прилетела сияющая паутина

нитей. Отбиваясь от нее одной рукой, Бетти подумала, что чьи-то потерянные воспоминания мало отличаются от обычной паутины в мокром темном лесу.

— Опять Татгэвит! — услышал ее Рубашечник. — Ты уже встречалась с ним! Он никогда не повторяется! Всегда дует по-разному.

— Мне все равно, как он дует! — у Бетти слезились глаза, и устоять на ногах становилось все сложнее. — Я хочу укрыться!

— Пока негде, держись! — Рубашечник охнул и провалился куда-то вниз.

— Рубашечник!!! — девочки кинулись к тому месту, где он только что стоял.

Оказалось, что равнина в этом месте заканчивалась резким обрывом. Рубашечник скатился вдоль него и теперь сидел на сырой земле, тщательно наматывая на запястье полезную нить. Он поднял голову на оклик и помахал рукой: мол, спускайтесь сюда скорей! А спуститься было нелегко.

У Бетти все еще были заняты руки: она не могла отпустить Таобсьера. Она осторожно примерилась и попробовала сойти боком. Этот способ ей показал прошлой зимой Артур Ним, когда они сбежали из школы, чтобы пойти на большие горки. Артур Ним еще назвал это «лесенкой» и объяснил, что так сложнее упасть. Как давно это было! И потом, ведь одно дело — спускаться с городской горки для катания на ледянках, и совсем другое — со скользких и мокрых холмов, где даже за траву не ухватиться, да еще и с грузом в руках. Бетти в очередной раз пожалела, что с ней нет Артура: он бы обязательно что-нибудь придумал! Что-то простое и практичное, что могло бы решить ее проблему намного быстрее. И чего уж точно не стал бы делать Артур Ним, так это стоять перед узкой и высокой пещерой с нитью в руках с таким задумчивым выражением лица, как делал это Рубашечник. И даже не протянул руку, чтобы помочь!

На мгновение Бетти подумала, что слишком много хочет от Рубашечника, но потом поскользнулась, и мысль снова ушла в сторону. Но по эту сторону холма Татгэвит безумствовал намного слабее, и она смогла удержать равновесие и продолжить спуск.

Слева от нее так же осторожно спускалась Мэри, оберегая сумку с картой и чайником. Вдруг со свистом и радостным криком мимо проехала Энн.

— Ты что?! — закричала Мэри, а Рубашечник рассмеялся.

Энн поднялась с земли, отряхнула свое белое платье, перепачканное теперь в грязи и зеленых следах, и лучезарно улыбнулась:

— Вспомню себе новое, когда все это закончится!

— Сумасшедшая, — пробурчала Мэри себе под нос и продолжила аккуратный спуск.

Бетти заметила, что ее туфельки никак не пострадали и оставались такими же белыми.

— Идите скорее сюда, — быстро заговорил Рубашечник, когда девочки оказались в низине. —

В этой пещере мы можем переждать очередное явление Татгэвита. По моим расчетам, следом за ним придет добрый Диртгэвит, и мы сможем пойти дальше.

— Тогда пошли скорее, — Энн решительно шагнула в пещеру.

— Незнакомые пещеры... Кто знает, кого мы там встретим? — покачала головой Мэри, шагая следом.

— И девочка совершенно права, — раздался из глубины пещеры голос, показавшийся Бетти смутно знакомым.

Она увидела, как напрягся и побледнел Рубашечник и как быстро убрал за спину руку с нитью.

Мэри-Энн синхронно сделали шаг назад. Из темноты выступил высокий человек, завернутый с головы до ног в плащ из травы. Капюшон был надвинут так низко, что лицо терялось в тени.

Только тут Бетти обратила внимание, что пещера тускло освещена: все те же нити, скрученные в узлы и развешанные по стенам, светили, будто тусклые лампы.

— Кто вы? — спросила Бетти, решительно шагнув вперед. От Рубашечника все равно мало толку, решила она.

— Смелая девочка, — одобрительно хмыкнули из-под капюшона. — И куда вас занесло...

— Извините нас за вторжение, — чинно заговорила Мэри, вцепившись в ремешок своей драгоценной сумки. — Мы всего лишь хотели переждать нашествие Татгэвита. Если мы вам помешали, мы немедленно уйдем.

— Оставайтесь. Татгэвит нынче ненадолго. К тому же когда еще выпадет шанс нам с тобой поговорить, так, Рубашечник?

Бетти вздрогнула. Она поняла, где слышала этот голос! Человек откинул с лица капюшон, и она увидела того самого Охотника с лесной опушки! Эту квадратную челюсть и вытесанные черты она ни с чем бы не перепутала!

— Это Охотник! — крикнула она, крепче прижимая к себе маленький ветер.

Дымчатая овечья голова обзавелась облачными рогами, устремленными в сторону человека в плаще.

— Догадливая, — без улыбки ответил тот. — Да, я Охотник. И я предупреждал, Рубашечник: не стоит сюда идти.

— Вот так встреча, — Рубашечник опомнился и засиял улыбкой, выйдя ему навстречу.

Бетти заметила, что нити на его руке уже не было.

— Как интересно порой поворачивается дорога через Тени.

— Ты его знаешь? — напряженно спросила Энн. — Знаешь Охотника?

— Все, кто бродит по Теням, рано или поздно сталкиваются с Охотником! — беспечно ответил Рубашечник — и тут же полетел в стену.

Охотник сгрел его за воротник и приподнял над землей.

— Врешь друзьям? — оскалившись, спросил он. — Да я смотрю, с тобой вообще нельзя иметь дела!

Рубашечник запрокинул голову, задыхаясь, хватанул ртом воздух. Тощие руки он вскинул к шее, пытаясь освободиться. Охотник легко удерживал его одной рукой, казалось, вообще не применяя при этом силу.

— Так что же, Рубашечник? — Охотник неприятно ухмыльнулся и встряхнул чужое тело. — Я уже сказал тебе, что стану твоей тенью. А в Тенях так легко наступить своей тени на хвост...

— Я тебе... на хвост... не наступал, — прохрипел Рубашечник, сиюсь разогнуть намертво стиснутые пальцы держащей его руки. — Отпусти!

Бетти замерла, наблюдая за этой сценой. Таобсьер опустил дымчатые рога, словно приготовившись ее защищать. Мэри и Энн стояли за ее спиной, взявшись за руки, и не сводили глаз с каменного лица Охотника.

— Придушишь меня... ничего не добьешься сам! — Рубашечнику удалось слегка ослабить хватку и сделать жадный глоток воздуха. Его ноги бессильно болтались над землей.

— Шутки кончились, — хмуро сказал Охотник и разжал пальцы.

Рубашечник грудой костей свалился к его ногам и сел, потирая шею. Охотник медленно повернулся к девочкам. Бетти шагнула назад. Клубок ветра в ее руках издал звук, отдаленно похожий на рычание.

— У меня ветер, — сочла нужным предупредить она. — И он на моей стороне.

— Ничего себе, — в голосе Охотника послышалось веселье. — Сколько здесь брожу, а никогда не слышал, чтобы какой-то из ветров по доброй воле дался в руки кому-то из Сплетенных.

— Она не Сплетенная, — прохрипел Рубашечник, поднимаясь на ноги. Белые волосы падали ему на лицо, скрывая от тусклого света ламп. — Она живая, настоящая девочка, которую я обещал отвести к Старой Церкви и вернуть домой, только и всего. Не вмешивайся в это, Охотник!

— Как гладко это все у тебя звучит, когда тебя слушаешь, — Охотник огладил рукой тугую

черную косу. — Да только вот правды ни слова не услышишь. Девочка хотя бы знает, во что ты ее втянул?

— Не трогай Бетти!

— Я разговариваю не с тобой, Рубашечник, а с ней. Итак, Бетти... Ты знаешь, во что он тебя втянул?

Бетти медленно покачала головой. Как всегда с ней бывало в моменты опасности, она стала думать о совсем посторонних вещах. Например, о том, что Охотник напоминает ей индейцев из книжки с картинками, которую ей показывал Артур Ним. И твердые черты лица, точно вытесанные из камня, и гладкие черные волосы, блестящие даже при таком бедном освещении, как в этих пещерах, и твердый не улыбочивый рот — все совпадало, не хватало только перьев в плюмаже. Таобсьер заерзал у нее на руках. Охотник усмехнулся.

— Даже не удивляюсь. Как и тому, что ты живая девочка. А я-то думал, что за лапшу мне вешает на уши этот тип. Лживый, как и все они тут.

— Не обижай Рубашечника, — вдруг прорезался голос у страшно напуганной Энн. — Он наш друг, он хороший и добрый!

— Всех успел очаровать? — нехорошо ухмыльнулся Охотник.

Бетти нахмурилась.

— Рубашечник обещал показать мне дорогу домой. Пожалуйста, не пробуйте нам помешать.

— И ты думаешь, что сможешь туда попасть? Ты еще помнишь свой дом?

Бетти притихла. Она поняла, о чем говорил Охотник. Хоть она старательно не обращала внимания на нити, тянущиеся из ее спины, но с каждым шагом воспоминания о доме, о маме и об улице Высоких Осин становились все более тусклыми и ненастоящими. Но она упрямо нахмурила брови и с вызовом посмотрела в лицо Охотнику.

— Да, я помню. И я хочу вернуться. Меня там ждут!

— Придумаешь тоже: ждут. Толку с того, если никто не позовет в нужный момент.

— Охотник, — предостерегающе поднял руку Рубашечник, но Охотник только отмахнулся:

— Тебе не кажется, что честнее будет им узнать правду здесь, а не у Старой Церкви? Или ты считаешь, что у них уже выбора нет, кроме как идти за тобой?

— У нас и правда нет выбора, — взмолилась Бетти. — Пожалуйста, не мешайте нам!

— Да кто сказал, что я вам помешаю? — изумился Охотник. — Вообще-то я намереваюсь вам помочь.

Глава 12.

— И что это за помощь ты вдруг решил нам предложить? — скривился Рубашечник, потирая шею.

— Вам? Нет, с тобой у меня разговор отдельный. Я хочу помочь им. Точнее, этой юной леди, как вас зовут?..

— Бетти, — потупилась Бетти и тут же снова упрямо вскинула глаза. — Меня зовут Бетти Бойл. А это Мэри и Энн, и они тоже идут с нами до Старой Церкви!

— В таком случае моя помощь будет вам необходимо, — равнодушно пожал плечами Охотник.

— Это почему? — настороженно спросила Энн. Девочка стояла, прижимая к себе свою драгоценную сумку.

— Без моей помощи вы никогда не отыщете Старую Церковь, да к тому же попадетесь другим Охотникам. Она... — Охотник приглушил голос, явно имея в виду Ткачиху. — Уже выслала за вами погоню. Ей совсем не нравится, когда в ее мире кто-то своевольничает больше положенного. Она готова сквозь пальцы смотреть на попытки таких, как Рубашечник, вернуть свою память, но поощрять побег из Теней она точно не станет.

— А откуда мы знаем, что вы — не тот Охотник, которого она послала, и не хотите заманить нас в ловушку? — спросила Бетти?

Вместо ответа Охотник повернулся спиной и скинул свой длинный черный плащ. Кожаная безрукавка под ним была изодрана в клочья, и неаккуратные обрывки серебряных нитей лучше всех слов объясняли, что произошло.

— Ох... — Энн прижала ладонь к губам. — Выглядит... Не очень?

— Это больно? — осторожно спросила Мэри.

— Иногда саднит, — хмыкнул Охотник, — на смену ветра. Не бери в голову. Просто я теперь так же, как и вы, на противоположной стороне. И мне надо к Старой Церкви.

— Прежде, чем мы решим вам поверить... — выступила вперед Бетти. — Что за дела у вас с Рубашечником? Расскажите.

Рубашечник замахал руками.

— Свои и не имеющие к нам сейчас никакого отношения. Уверяю, не надо сейчас в это лезть. Здесь у всех свои тайны.

— У меня нет никаких тайн! — закричала Бетти и сама удивилась тому, что на нее нашло. — Я здесь случайно, ничего не знаю, и хочу только вернуться домой!

— А я хочу развязаться с Ткачихой, — хмуро сказал Охотник. — Это она сделала со мной.

Но желание появилось раньше. Рубашечник обещал мне, что знает дорогу, клялся, что может ее найти. Откуда-то вбил себе в голову, что даже Сплетенные могут так спастись. Должен заметить, он был чрезвычайно убедителен.

— Как вы вообще ухитрились познакомиться? — осторожно спросила Энн.

— Поймал его на горячем, — покачал головой Охотник. — Хотел увести к Ткачихе, но он... Видимо, те, кто не может в Тенях, кому мало быть просто безвольным призраком — мы отличаемся.

— Но вы же Охотник! Вы же не Сплетенный, а Надзиратель! — возмутилась Бетти. Ей по-прежнему не хотелось доверять врагу, но кто здесь враг, а кто друг, она не могла бы сказать с уверенностью: сейчас, когда Охотник выглядел спокойным и совсем не опасным, Рубашечник воровато прятал глаза, а Мэри-Энн тревожно переглядывались между собой.

— Это он тебе рассказал? — Охотник махнул головой в сторону Рубашечника. — Он расскажет... Мы такие же Сплетенные. Просто... Мы попадаем сюда и помним себя. Те, кто не теряют нити, а могут их все удержать, становятся Охотниками. Мы не знаем, никто... не знает, это происходит само или она делает нас такими. Но я никогда не терял память. Могу сказать, что и не мешал тем, кто пытается ее вернуть.

— Что будет с теми, кто вернет себе память? — тихонько поинтересовалась Энн.

— Я не встречал таких, — ровно ответил Охотник.

В пещере воцарилась тишина, тяжелая и вязкая, как спертый воздух. Рубашечник нервно одернул рукава клетчатой рубашки и отвернулся.

— Я видела вас вместе, — сказала Бетти. — На опушке Леса.

— Тогда... почему все равно со мной пошла? — голос Рубашечника звучал недоуменно. —

Почему доверилась и позволила проводить через Холмы?

— А у меня был выбор? — пожала плечами Бетти. — Это чужой мир, я здесь одна.

— Уже не одна, — улыбнулась Мэри и погладила ее по руке.

Бетти улыбнулась ей в ответ.

— Позволь спросить, Рубашечник... — Охотник присел у стены и сделал остальным приглашающий жест: мол, рассаживайтесь, Татгэвит еще долго будет бушевать. — Как именно вы собирались добраться до Старой Церкви?

— По Холмам. У нас есть... карта.

Глава 13.

— Карта? — на лице Охотника читалось искреннее изумление.

— Да... — Энн очень смутилась, но тут же справилась с собой и полезла в недра сумки. —

Вот. Мы с Мэри сделали очень подробную карту. Мы пойдем через Холмы вот так...

Охотник склонился над картой, с любопытством изучая показанный Энн маршрут.

— Вот только бы справиться с ветрами... — пожаловалась Мэри.

Рубашечник молча сидел в углу, глядя на Охотника из-под длинной челки. С Бетти он упрямо не встречался взглядом.

— Ну и дела, — покачал головой Охотник. — Никогда не слышал о том, чтобы кто-то смог собрать карту Теней.

— А мы смогли! — сказала Энн и с гордостью посмотрела на сестру.

Бетти обратила внимание, что Мэри совсем не выглядела счастливой.

— Я уже ни в чем не уверена, — сказала она. — Может быть, мы не так уж и правы. Мы не предполагали, что есть такие обрывы или пещера, как эта. По нашей карте здесь ровное пространство.

— Это все Татгэвит, — Охотник прочертил пальцем по линиям Холмов на сияющей карте. — Он любит менять пространство.

— Ветер никогда не уймется, — вздохнул Рубашечник, и Бетти окинула его строгим взглядом.

— Нашел время падать духом! — возмутилась она.

Таобсьер ткнулся воздушными рогами ей в локоть, и она, засмеявшись, подхватила его на руки. Ветру явно нравилось там больше, чем бродить по пещере, будучи предоставленным самому себе. Бетти запустила руку в облачные кудряшки маленького ветра и вдруг замерла.

— А ведь у нас есть свой личный ветер! Таобсьер с нами! Мы можем использовать его, чтобы выйти из пещеры?

Рубашечник оживился при этих словах, зашевелился, подсаживаясь ближе.

— Мне не приходил в голову такой вариант. Я никогда... не пробовал взаимодействовать с ветрами.

Бетти продолжила гладить облачный ветер, баюкая его на руках.

— Ведь ветра сменяют друг друга как им заблагорассудится? У них нет какой-то правильной последовательности?

— Я думала, что есть, — развела руками Мэри. — Но вот что оказалось: мы не во всем были правы, когда вели наблюдение из нашей с Энн пещеры. Казалось бы, Татгэвит должен был давно уняться, а он никак не унимается. Или ветра именно теперь решили проявить норов:

потому что с нами живая Бетти или потому, что мы идем, куда не следует...

— Я полагала, что ветра бродят в Холмах без цели, — виновато подхватила Энн, нервно наматывая на запястье ремешок сумки. — Но сейчас, когда они начали нам мешать и не давали ступить и шагу по спокойной местности, я подумала: может, ошиблась? Может быть, Старая Церковь — не сказка, и попасть туда действительно нелегко?

— Не сказка?! — напустилась на нее Мэри. — Ну конечно, не сказка! Мы же не просто так туда потащились.

— Я бы пошла, даже если бы вокруг вообще ничего не было, — ответила Энн, глядя куда-то мимо близняшки. — Я так устала сидеть в нашей пещере.

— А я бы сейчас с удовольствием туда вернулась и пила свой чай.

— У вас был чай?.. — в голосе Охотника прозвучал настоящий интерес.

— Был, — вздохнула Мэри. — Мы его вспоминали. С ягодами... Ароматный, как лесная полянка.

— Я даже не помню, что такое чай, — усмехнулся Охотник. — Ну вы, девочки, молодцы.

— Да уж, не отказался бы и я от чашечки чая сейчас, — вздохнул Рубашечник.

Энн вдруг изменилась в лице, вскочила на ноги и захлопала ладонями по сумке.

— Чайник! — крикнула она. — Я же взяла его с собой!

Мэри радостно взвизгнула и бросилась помогать близняшке. Вместе Мэри-Энн достали чайник, охватили его с обеих пузатых сторон и сосредоточенно посмотрели друг другу в глаза. Охотник наблюдал за ними со все возрастающим интересом, Рубашечник терпеливо ждал, а Бетти гладила Таобсьера и смотрела на выход из пещеры. Она думала не про чай, а про скорое возвращение домой, пытаясь вспомнить, что же такого хорошего ее там ждало. Таобсьер заворчал и пополз ей по плечу куда-то за спину. Бетти неловко вздрогнула, когда ветер потянул за одну из тонких нитей и впитал ее в себя, и только махнула рукой: маленькому ветру, наверное, гораздо нужнее, чем ей, воспоминание об улице Высоких Осин, которая зачем-то еще недавно так сильно интересовало ее.

— Бетти, Бетти! — окликнула ее Энн. — Ты будешь чай? Мы вспомнили свой самый вкусный чай!

— Только у нас совсем нет чашек. Но мы будем пить из носика, — Мэри села и аккуратно расправила оборки своего перепачканного в земле платица. — Будем нарушать все правила этикета!

И первая прижала носик ко рту, сделав осторожный глоток. Лицо ее прояснилось.

— Это правда самый лучший чай из всех, который нам удалось вспомнить! — воскликнула

она с таким восхищением, что Энн немедленно отняла у нее чайник и отпила.

— И правда, — с тихой гордостью сказала она. — Таких воспоминаний у нас еще не было.

Она передала чайник вежливо ожидающему Охотнику. Бетти с ленивым любопытством наблюдала, как разгладились черты его лица после первого же глотка.

— И правда: хороший чай, — кивнул он. — Может быть, мне и не с чем сравнить, но вкус и запах сейчас определенно приносят радость.

— Как будто тебе хоть что-то может принести радость, — буркнул Рубашечник.

Охотник неопределенно хмыкнул в ответ и протянул ему чайник, удерживая за изящную фарфоровую ручку. Чайник странно сочетался с его мужественным нелюдимым обликом, так что Бетти тихо хихикнула. Рубашечник забрал чайник и сделал большой глоток.

— Люблю ягодный, — сказал он с тихой благодарностью, глядя на Мэри-Энн. Близняшки сияли.

Таобсьер подтолкнул Бетти под локоть, и она тоже потянулась за чайником. Чая ей не хотелось, но лишних вопросов о том, почему она отказывается и хорошо ли себя чувствует, она не хотела тем более. Маленький ветер как будто чувствовал ее настроение и направлял обратно к рассевшимся в круг попутчикам. Бетти забрала чайник, стараясь по возможности не прикасаться к Рубашечнику. У нее и раньше не было поводов ему доверять. Теперь, когда появился Охотник, она окончательно решила держаться от него в стороне. Им все равно идти одной дорогой, но доверять ему больше она бы не решилась.

Чай и правда оказался замечательным, душистым и ароматным. Бетти мысленно вернулась на полянку в Лесу, где впервые встретила с Рубашечником. Ей показалось, что это было давным-давно, годы, годы назад...

Бурные обсуждения дальнейших планов привели к тому, что возглавить отряд должна была Бетти, ведь Таобсьер слушал только ее. Охотник сказал, что будет прикрывать ее от Татгэвита, если вздорный ветер решит в открытую на них напасть. Близняшки должны были идти в середине и крепко держать сумку с картой, а Рубашечнику оставалось только прикрывать отход.

— И если ты попробуешь струсить... — прорычал Охотник, но Рубашечник спокойно встретил его взгляд:

— Не стоит так со мной говорить, — мягко попросил он. — Я обещал, что доведу Бетти до Старой Церкви, и я сделаю это. Я сам ничего не желаю сильнее, как оказаться рядом с ней.

— Почему ты уверен, что Старая Церковь поможет тебе?

— Потому что ничего другого мне не остается, — упрямо сказал Рубашечник и стиснул

кулаки. — И тебе тоже, иначе ты не блуждал бы в поисках и не прятался от своей всеглазой хозяйки!

— Я не...

— Ну да, конечно, ты просто так сидишь в пещере!

— Хватит, хватит! — Бетти влезла между ними. — Почему вы все время спорите? Мы же сейчас на одной стороне?

— Я никогда не был с ним на одной стороне, — хмуро возразил Рубашечник и отвернулся. Бетти открыла было рот, чтобы сказать, что знает про их общие дела, но осеклась. Какие бы секреты ни объединяли Рубашечника и Охотника, ей не стоило в это лезть. У нее еще будет время задать вопросы, но сейчас ей больше всего хотелось добраться уже куда-нибудь — впереди был такой длинный путь, а она все еще сидели в этой пещере. Тем более, что чай кончился, да и порывы Татгэвита пошли на спад.

Мэри осторожно выглянула из пещеры.

— Мне кажется, мы можем идти, — решительно сказала она. — Давай, Бетти!

Бетти глубоко вздохнула и сделала шаг наружу, мгновенно увязнув во влажной земле. В воздухе ощутимо пахло грозой. Раньше Бетти нравился этот запах, но теперь он вселял тревогу. Трава вокруг была примята и истоптана, хотя никого, кроме ветра, здесь и быть не могло. Пейзаж опять изменился. Трех холмов с растущими на них кривыми деревьями здесь раньше не было, как и глубокой трещины прямо над входом в их пещеру. Бетти решительно пошла вперед — прятаться в спасительной темноте можно было долго, но это ни на миг не приблизило бы ее к возвращению в свой мир.

— Помоги нам, пожалуйста, Таобсьер, — поднеся ветер к лицу, прошептала она прямо в сиреневое облако. — Отгони от нас другие ветра, пока мы идем к краю Холмов. Они же не бесконечные, и на карте видно, что дальше пейзаж меняется. Нам не очень долго идти. Но мы не сможем, если на нас нападут ветра. Пожалуйста, прикрой нас. Мы рассчитываем на тебя... Фиолетовое облако в ее руках потеплело, задрожало и начало ощутимо раздуваться. Бетти шагнула назад, размыкая объятия, и Таобсьер взмыл в небо. Облако начало расти, расти, и постепенно заполнило небо. Вокруг потеплело.

— Идите сюда! — позвала Бетти. — Таобсьер прячет нас от дождя! И, кажется, от чужих взглядов тоже.

Мэри-Энн, Охотник и Рубашечник вышли из пещеры, с удивлением оглядываясь по сторонам.

— Давно Татгэвит такого не устраивал, — со знанием дела сказал Охотник. — Держите карту крепче. Бетти, веди нас.

— Я? — Бетти растерялась. Речь шла о том, чтобы она шла вперед, но вести... Впрочем, разве это не одно и то же? Артур Ним рассказывал ей о волках. Что первый волк всегда ведет стаю. Значит, ей сейчас надо стать первым волком?

Бетти прикрыла глаза и стала вспоминать карту.

— Туда! — ее палец указал в сторону трех появившихся холмов. — Мы идем туда и прямо! И ничего не бойтесь, Таобсьер с нами.

Фиолетовый ветер сгустился вокруг них, и они продолжили путь.

Глава 14.

Благодаря Таобсьеру на пути через Холмы они не встретили никаких препятствий.

— Не знаю, как долго еще будет так спокойно, — задумчиво проговорил Рубашечник. — Но если мы не сбились с курса, скоро мы выйдем к Болотам Тревоги.

— Не было еще никого, кто смог бы пройти через Болота Тревоги, — угрюмо заметил Охотник. — Даже такие, как я, случается, гибнут там.

— Что такое Болота Тревоги? — недоуменно спросила Бетти. — Этого места не было на карте.

Мэри и Энн переглянулись.

— Мы рисовали карту той местности, о которой сами знали, — призналась Мэри. — И я впервые слышу о Болотах Тревоги. Рубашечник, Охотник, вы знаете больше нас. Чего нам еще стоит опасаться?

Рубашечник поморщился. В голосе его звучала досада:

— Все, что я знаю, это сказки, легенды и небылицы. Я просмотрел множество воспоминаний, пытаюсь найти свои. Бродячие воспоминания быстро теряют связь с реальностью, и сложно верить всему, что из них узнаешь. Требуется время, чтобы научиться отличать ложь от правды. И мне это удастся не каждый раз.

Охотник хмыкнул:

— Для того, кто ворует чужие воспоминания, ты удивительно хорошо держишься. Твой рассудок должен быть уже насквозь изъеден чужими бреднями.

— Меня спасает моя память — Рубашечник криво улыбнулся. — Мне повезло удержать себя. Другим везет не так сильно. К слову о других: Болота Тревоги — это место, где явь становится невозможно отличить от реальности, а тоска получает над тобою власть.

Бетти вздрогнула. Все это звучало очень неприятно. С другой стороны, место между явью и

сном было гораздо ближе к ее реальному миру, чем блуждающие Холмы, среди которых то здесь, то там витали обрывки серебристых нитей.

Они шли вперед и представляли собой со стороны, должно быть, очень странную картину. Бетти возглавляла шествие, осторожно выбирая наиболее безопасный, на ее взгляд, путь: после обрыва она уже не так доверяла мягкой зеленой траве. За спиной шаг в шаг с ней неслышно скользил Охотник. Его могучая тень падала на траву. Откуда падала тень и что в этом мире заменяло солнце, Бетти предпочитала не задумываться. Ответов она все равно бы не получила. Разве что кто-то из блуждающих душ, подобно Мэри-Энн, решил вспомнить себе немного дневного света...

Подумав о Мэри-Энн, Бетти все-таки обернулась. Близняшки шли, крепко сцепившись фарфоровыми ладонями; жребий нести сумку с драгоценной картой выпал Энн. Энн перекинула ремень через плечо и второй рукой крепко сжимала ткань. У обеих девочек были жесткие, нахмуренные и совсем не девичьи взгляды.

Взгляд Бетти скользнул дальше и невольно остановился на Рубашечнике. Он замыкал отряд, и при каждом движении его длинные руки болтались, как у пугала. Его лицо было задумчиво и печально. Бетти уже не знала, что думать о нем, можно ли ему доверять — но выбора у нее не было. Все решится у Старой Церкви, там она и найдет все ответы. Рубашечник поймал ее взгляд и деланно улыбнулся:

— Вперед, Бетти Бойл. Ты теперь наш предводитель.

Бетти вспыхнула и отвернулась. Он еще и шутит! Это только в сказках легко получается: героиня попадает в волшебную страну и сразу обретает волшебную силу, и герои падают к ее ногам... А у нее вместо магической силы загадочная благосклонность местного ветра, вместо героев — мутный Рубашечник, страшный Охотник и две фарфоровые куклы, и у нее нет сил даже сделать следующий шаг, хочется лечь и лежать комочком в углу пещеры, а ей приходится куда-то вести эту толпу.

Все это вдруг показалось Бетти ужасно несправедливым. Острая боль в спине рванула ее назад, и девочка неожиданно для себя расплакалась. Крупные слезы градом катились по щекам, она упала на колени и громко, с удовольствием плакала, не обращая внимания на то, что все столпились вокруг нее.

— Что это с ней?

— Это Ткачиха! Никак не оставит ее в покое.

— Да от нее ничего не останется раньше, чем мы дойдем до Болот Снов! Вы в своем уме?

— А что мы могли сделать?

— По крайней мере, она помнит, кто она такая.

— И откуда она.

— А она откуда? — это точно был голос Охотника, но Бетти было все равно. Она легла на траву и обхватила голову руками, продолжая в голос всхлипывать и слушать голоса товарищей.

— Она оттуда же, откуда и я, — вступил в разговор Рубашечник. — Откуда мы все. И она совсем юная. Куда ей справиться с этим?

— Ткачиха ни за что ее не отпустит, — Охотник опустился на колени рядом с Бетти и провел ладонью по ее плечам и спине. Ладонь была большая и грубая, шершавое прикосновение чувствовалось даже сквозь майку. — В ней так много всего. Силы и страсти. И храбрости, чтобы прийти сюда и бороться. Но она не дойдет. Сгорит раньше, чем мы перейдем Болота. Если не сойдет с ума среди них.

— Что ты предлагаешь?

— Связь с Ткачихой погубит ее, а вместе с ней всех нас.

— И что? Мы знаем, что рискуем.

— Рубашечник!...

— Если ты струсил, так и скажи. Девочку в покое оставь...

— Рубашечник, послушай!..

— Она очень сильная, она справится, я это сразу понял. Она — надежда, наша надежда, моя надежда! Поэтому ты можешь делать что хочешь, но мы идем дальше. Бетти, Бетти!

Рубашечник вцепился ей в плечо, но Бетти дернулась, не желая шевелиться, не желая встать. На нее накатила свинцовая усталость. В пещере все казалось таким простым и правильным, они придумали хороший план, но стоило сделать шаг в бескрайние Холмы, и стало ясно, что они просто обманывали себя. Нет никакого конца Холмов. Старая Церковь — всего лишь миф...

— Старая Церковь — всего лишь миф... — в слезах повторила она вслух.

Рубашечник тут же вцепился ей в плечи и с силой потряс:

— Бетти! Бетти! Не поддавайся ей!...

— Словами ты тут не поможешь, — возразил Охотник и вдруг рывком поднял Бетти с земли, поставив на ноги.

Бетти вскрикнула от боли, так сильно он вцепился ей в руки, заставляя оторвать их от лица.

Мэри-Энн стояли в стороне и наблюдали за ними, приоткрыв рты. Рубашечник с тихой беспомощной злостью смотрел на Охотника.

Охотник же, казалось, был совершенно спокоен. Он легонько ударил Бетти по щеке раскрытой ладонью, и от удивления она перестала плакать и возмущенно уставилась на него. — Отставить себя жалеть, этого добра у нас хватает, — сказал Охотник, бросив быстрый взгляд на Рубашечника. Его суровое лицо ничего не выражало, сложно было понять, о чем он думает и что чувствует. — Ты нужна нам, Бетти Бойл. Ты единственная, кто на самом деле сможет сбежать от Ткачихи.

— Я не могу, — безнадежно прошептала Бетти, опустив взгляд. Пристально изучая собственные грязные ладони, она призналась: — Я не могу вас вести. У меня нет сил. Никаких сил.

— У тебя есть силы, — спокойно возразил Охотник. — Ты далеко зашла.

— Она держит меня, — хрипло сказала Бетти. — И пьет меня, пьет, как какой-то вампир. Как я могу идти, когда она меня держит?

— Тогда иди без нее.

Прежде, чем кто-либо успел что-то понять, Охотник выхватил из-за пояса свой топор и рубанул по нитям, тянувшимся из ее спины. Бетти приготовилась испытать сильную боль, но, к своему удивлению, почувствовала только легкость. Боли не было. И черная тоска тоже отступила. Жизнь больше не была черной и тоскливой, бессмысленной, похожей на вязкий туман, отнимавший желание что-либо делать и как-то пытаться жить. Наваждение исчезло.

— Я... Я могу идти, спасибо, — слабо улыбнулась она.

— Вот только теперь, — мрачно проговорил Рубашечник, не глядя на нее, — у нас осталось очень мало времени.

Глава 15.

Дальше шли быстро, стараясь не оборачиваться, и не смотреть по сторонам. Серебристых нитей, дрейфующих вокруг, становилось больше: ветры успокоились. Таобсьер продолжал прикрывать процессию, идущую через холмы. Бетти с трудом продиралась через спутанные заросли высокой травы и заставляла себя делать шаг за шагом и идти вперед. Рубашечник шел рядом, и Бетти чувствовала его молчаливую поддержку: он был готов подставить руку, если она упадет. Даже несмотря на то, что она не могла полностью ему доверять — и он это знал, он оставался рядом. Мэри и Энн шли впереди и совсем не по-девичьи ругались на разросшуюся траву, в некоторых местах доходившую им до пояса. Охотник шел вперед и кинжалом разрубал траву перед собой, но это мало помогало: едва он делал шаг, как трава

срасталась за его спиной, выростала вверх, тянулась к сумрачному небу, мешая идти другим.

— Эту траву посадили эльфы, — сказал Рубашечник в ответ на немой вопрос в глазах Бетти.

— Вот почему она здесь растет. Собственно, от эльфов осталась только трава и земля.

— Я смотрю, с садовниками все было плохо, — кисло пошутила Бетти и снова споткнулась.

Рубашечник подхватил ее под локоть.

— Осторожнее! — предупредил он и добавил очень тихо: — Как ты себя чувствуешь теперь?

— Очень устала, — так же тихо призналась Бетти в ответ. — Мне так хорошо и здорово, и больше не хочется лечь и умереть, но я так устала...

— Держись, Бетти, — ободряюще улыбнулся Рубашечник. — Главное, что на некоторое время ты от нее свободна. Пока она нас не найдет, конечно. Мы разозлили ее. Растревожили. Но мы проделали опасный и длинный путь, и почти у цели.

— Не слушай его, — крикнула с досадой Мэри, — мы, кажется, заблудились!

Охотник остановился, а следом за ним остановились и все остальные.

— Мы правда заблудились, — кивнул Охотник, сурово хмурия брови. — Здесь, на открытом пространстве, сложно сориентироваться даже мне. Возможно, что Церковь осталась сильно левее... И правее. Но важнее сейчас другое.

— Что? — осторожно спросила Бетти, выглядывая из-за плеча Рубашечника.

— Вы чувствуете запах?

— Запах?

— Я ничего не чувствую.

— Я тоже. А ты, Рубашечник?

— Я чувствую... — Рубашечник повел тонким носом. — Вода и гниль.

Охотник кивнул.

— Именно. Мне кажется, что мы каким-то образом оказались около Болот Тревоги.

Рубашечник поежился.

— Это единственный прямой путь. Как я и рассказывал, Болота Тревоги лежат совсем близко к Старой Церкви, ведь раньше это были прекрасные эльфийские озера. Самый короткий путь должен лежать через Болота.

— Но они непроходимые! Страшные! И гиблые! — запаниковала Мэри, и Энн взяла ее за руку, стремясь успокоить.

— Значит, мы пойдем через непроходимые, страшные и гиблые болота, — решительно сказала Бетти. — Потому что иначе мы совсем заблудимся. А Рубашечник говорит, что у нас осталось мало времени. Если мы... Если я и в самом деле разозлила Ткачиху и она отправилась по

нашему следу, то мы все в опасности.

— К тому же в Холмах снова сменился рельеф, — сказал Рубашечник. — Я много бродил в Холмах с помощью чужих нитей, когда искал свои воспоминания. И я никогда не видел настолько высокой травы. Она словно специально хватает нас за ноги, мешает идти вперед. Я не поручусь за то, что мы сможем выбраться отсюда без потерь.

— Я вынужден согласиться с Рубашечником, — взгляд Охотника не предвещал ничего хорошего. — Все, что он сказал, правда. Я хорошо изучил Холмы и умею находиться в них долгое время. Но все мои навыки бесполезны там, где эта трава.

— Мне начинает казаться, что нас вынуждают идти вперед, — понуро сказал Рубашечник. — И мы идем уже достаточно долго. Если бы Ткачиха хотела, ее Охотники уже нагнали бы нас. Против скольких разом можешь выстоять ты, Охотник?

— Против десяти. Может быть, двенадцати, — Охотник пожал плечами. — Я один. Охотников много. И даже Таобсьер не сможет долго нас прикрывать. Ветра, какими бы своевольными они ни были, в конечном итоге подчиняются Ткачихе.

— И все-таки они еще за нами не пришли, — Бетти выпрямила спину, расправила плечи и подняла подбородок.

— У нас есть время, — сказал Рубашечник, — Но я не ожидал, что Холмы настолько переменчивы...

— Я тоже не думала, что наша карта окажется столь бесполезной, — грустно вздохнула Энн.

— Мы с Мэри потратили кучу времени на изучение Холмов. Как оказалось, совершенно зря.

— Выше нос! Ваша карта нам уже так помогла!

Бетти обвела рукой заросшее травой поле.

— Мы пришли из Леса! А Лес очень далеко, и мы прошли через все эти Холмы и ветра, и очень близко к цели. Мы заблудились? Хорошо. Потеряли прямую дорогу? Еще лучше. Если к Мосту ведет единственная дорога, на ней наверняка нас уже поджидает засада. Мы пойдем через Болота Тревоги насквозь и пройдем за спиной у Охотников!

— А ты взбодрилась, Бетти Бойл, — улыбнулся Рубашечник.

— Еще бы, от нее отрезали эту дрянь, — пробурчал Охотник. — Только никто не знает, что там, в Болотах Тревоги. Эльфы ушли, и земли остались забытыми и стояли такими долгие годы, а после наполнились по капле чужой болью.

— Вот мы и узнаем, — Бетти решительно сжала кулаки. — Мы должны идти вперед. И как можно скорее. Чтобы выбраться отсюда!

Она глубоко вздохнула и сделала шаг вперед по направлению к мрачному туману,

темнеющему вдаль. Туман блестел и складывался в смутные силуэты, которые манили к себе. Бетти не любила туман, всегда в глубине души страшилась его, но сейчас ей было все равно. Охотник отрезал ее от Ткачихи, и она чувствовала прилив сил и надеялась только, что этих сил хватит, чтобы добраться домой.

Таобсьер сгустился вокруг них, словно стараясь обнять.

— Кажется, он прощается... — прошептала Мэри.

— Он же ветер, — мягко сказал Рубашечник. — Его место в Холмах. Он не может их покинуть.

Бетти почувствовала комок, вставший в горле.

— Ты так здорово помог нам, Таобсьер, — прошептала она и подняла руку, стремясь коснуться ветра. Таобсьер качнулся ей навстречу, заключая в дымчатые фиолетовые объятия.

— Пожалуйста, будь хорошим ветром, не делай глупостей и береги себя. Ты замечательный друг.

Таобсьер закружился вокруг них, закрывая со всех сторон, оставляя открытым только проход к серому туману.

— Таобсьер прикроет нас! — сказала Бетти. — Пока мы не ступим на земли Болот Тревоги, он будет защищать нас от всех! Идем!

— Ты очень хороший ветер, Таобсьер, — пробормотал Рубашечник, разводя руками высокую траву. — Мы тебя не достойны.

— Спасибо тебе, добрый ветер, — проговорили Мэри и Энн.

У обеих в глазах стояли слезы.

Глава 16.

Бетти хотела возглавить процессию, вдохновлять, как и положено лидеру, идти вперед с гордо поднятой головой. Избавившись от паутины Ткачихи, она была полна сил и желания вернуться домой. Но реальность немедленно вернула ее с небес на землю: пучок травы обвился вокруг ее ноги, и она едва не рухнула на землю. Охотник успел подхватить ее, не давая упасть, и быстро отрезал мешающую траву.

— Она точно не на нашей стороне, — прошипел он. — Вот что, Бетти Бойл, пусти-ка меня вперед. У меня есть нож.

Бетти не решилась с ним спорить и отошла назад, давая Охотнику пройти. Он перехватил свой нож так, чтобы им было удобно расчищать дорогу, и двинулся вперед. Бетти пыталась

держаться прямо за его спиной, за ней спешили Мэри и Энн, не оставив Рубашечнику другого выбора, кроме как прикрывать им спины. Таобсьер сгустился вокруг, стараясь прикрыть их от посторонних глаз, но ветер ничего не мог противопоставить траве.

Трава взбесилась, царапалась, хватала за ноги и тянула вниз. Охотник орудовал ножом и решительно шел прямо к серому туману. Бетти подумала, что такой человек, как Охотник, мог бы пройти и без ножа: он был силен и крепок, в отличие от остальных. Мэри-Энн были хрупкими фарфоровыми куклами, чьи платья порвались и испачкались в земле и траве, косы растрепались, а башмачки перепачкались в грязи. Рубашечник с его длинными тонкими руками и ногами, с волосами, беспокойно падавшими на лицо, тоже мало что мог противопоставить целому миру, выступающему против них. Поймав эту мысль Бетти окончательно поняла, что они — все они! — больше не принадлежат миру Теней, а значит у них п о л у ч а е т с я. Все получается! Это открытие окрылило ее больше обрезанных нитей и близости Старой Церкви.

— Вперед, Охотник, миленький, — просила она, выглядывая из-за его плеча. — Нам совсем немного осталось!

Охотник молча рубил траву и шел вперед, не желая тратить силы на разговоры. Рубашечник положил руки на плечи Мэри-Энн, прижимая девочек к себе и продвигаясь сквозь траву вместе с ними.

В конце концов, рассудила Бетти, трава не может мешать им вечно. Рано или поздно это закончится.

И трава кончилась, расступилась нехотя, уступила натиску охотничьего ножа. Бетти сделала шаг на черную влажную землю и огляделась.

Холмы закончились. Этот странный мир Теней имел свои, невидимые глазу, границы. И они пересекли еще одну границу, пейзаж изменился так же резко и неизбежно, как при выходе из Леса в Холмы.

Черная земля, густая и влажная, пузырилась под их ногами, от нее поднимался еле заметный пар. Бетти заметила краем глаза, что Рубашечник присел на корточки и опустил в землю пальцы. Рука провалилась, он отдернул ее и посмотрел на остальных с растерянным недоумением:

— Она горячая. Земля — горячая.

Мэри-Энн опасливо прижались друг к другу. Туман и дымящаяся земля пугали их.

— Осторожно, — предупредил Охотник. — Это еще не болота, это только подступы к ним.

Он убрал нож обратно в ножны и широкими движениями плеч размял спину.

— Мы должны торопиться. Она знает, где мы. Это ловушка, и нам понадобится все наше мужество, чтобы выбраться отсюда живым.

— Ну не будь ты таким мрачным, — криво улыбнулся Рубашечник, однако побелевшее лицо выдавало его с головой.

Бетти тоже было страшно, но она упрямо вздернула подбородок, напомнив себе, что она — предводитель.

— Вперед! — скомандовала она.

И первая сделала шаг в горячую черную землю, немедленно провалившись почти по щиколотку. Кажется, кроссовки она потом не спасет. Впрочем, решила про себя Бетти, выбраться отсюда живой — уже достаточно. А кроссовки можно и новые купить, были бы ноги, на которых их носить.

За спиной Бетти отчаянно чертыхались, проклиная все болота на свете, Мэри и Энн: их аккуратным туфелькам пришел конец. Рубашечник и Охотник, с одинаково сжатыми губами и зло сощуренными глазами, шли вперед.

Бетти, бросив на них быстрый взгляд, впервые подумала, что они очень похожи. Несмотря на то, что внешне они различались, как небо и земля, в них обоих было что-то неуловимо общее.

Излом бровей, манера хмуриться и поджимать рот, привычка ставить ноги, разворот плеч.

Бетти прошла бок о бок с ними обоими уже большой путь, но лишь сейчас, застряв в грязи едва не по колено, нашла возможность разглядеть как следует своих спутников. Ей пришло в голову, что только внешние препятствия могут заставить человека остановиться и внимательно посмотреть на то, что его окружает, даже в самой опасной ситуации.

А еще — что сейчас слишком опасная ситуация, чтобы предаваться раздумьям.

Через пару мгновений оказалось, что последняя мысль пришла в голову не только ей. Мэри и Энн переглянулись, Рубашечник стиснул худые пальцы в неубедительные кулаки, а крикнул, махнув рукой:

— Бежим! Нам надо бежать, если мы продолжим идти, мы...

Он не договорил, но спутники и так поняли его. Каждый шаг давался все сложнее. Бетти с усилием вытащила ногу из вязкой топи и попробовала побежать вперед, но у нее не получилось. Даже быстро идти не вышло, не говоря уже о том, чтобы побежать. За ее спиной Мэри-Энн крикнули, будто прочитав ее мысли:

— Тяжело идти! Как будто не только земля, но и воздух мешает нам!

Словно в подтверждение их слов Рубашечник закашлялся, прижимая ладонь ко рту. Бетти показалось, что в рот ей набился песок — как будто задул очень пыльный ветер. Пару раз в

год на улице Высоких Осин налетал такой ветер и никому не давал нормально жить. Но это решалось просто, тут Бетти знала, что делать.

— Замотайте лицо тряпками, быстро! - крикнула она. — Незачем этим дышать!

— Она права, — коротко бросил Охотник и натянул воротник своей одежды так, что остались видны только глаза.

Рубашечник попытался оторвать подол от своей клетчатой длинной рубашки, но ему явно не хватало сил. Охотник сжалился над ним, достал из-за пояса нож и сунул в руки спутнику.

Рубашечник издал странный звук, похожий на вопросительное хмыканье, но кусок ткани отрезал, после чего поспешил передать нож Мэри-Энн. У близняшек были очень добротные платья из плотной ткани, и оторвать от подола куски у них не получалось.

— Нужно резать не подол, а подъюбник! - вовремя сообразила Энн.

— И правда: наши нижние юбки сделаны из тонкого батиста! — образовалась Мэри и быстро отрезала кусок ткани себе и сестре.

Теперь только Бетти осталась с открытым лицом. Она не могла оторвать кусок ткани от футболки или узких джинсов, а никакого платка или косынки у нее не было. Мэри посмотрела на нее и отхватила от своего платья еще один кусок.

— Возьми, Бетти, — Мэри протянула Бетти кусок ткани и нож.

Бетти благодарно улыбнулась и поспешила обвязать платок вокруг лица на манер ковбоев из фильмов про Дикий Запад, которые любил смотреть Артур Ним. Они даже любили играть иногда в ковбоев, но играть было весело, а стоять по щиколотку в трясине под пыльной бурей, с чужим ножом в руках, почему-то совсем нет. Нож Охотника был тяжелый, железный, обмотанный черной кожей по всей рукоятке. Когда Бетти повернулась к Охотнику, намереваясь вернуть нож, тот покачал головой.

— Оставь себе. Возможно, тебе он будет нужнее.

Бетти удивилась, но спорить с Охотником не стала. Девочка пристроила нож за ремнем джинсов и осторожно двинулась дальше.

Было ясно, что бежать не получится, оставалось только упрямо идти вперед. Охотник шел впереди и прокладывал путь, как первый пес в собачьей упряжке. Хотя в глазах Бетти он был похож на большого волка или даже медведя. Так или иначе, сейчас он возглавлял их маленькую стаю, и главной задачей было не отбиться от нее. А это было непросто: воздух становился все более пыльным, и платки на лице не могли толком защитить, в горле постоянно першило, и каждый вздох давался с большим трудом. Ноги вязли в земле, температура которой становилась все горячее едва ли не с каждым шагом, словно им

приходилось идти по вулкану.

В один момент Охотник резко откинул руку назад, и Рубашечник вцепился в него со всей силой. Охотник буквально вытащил его из земли, в которую тот ушел почти по колено.

— Скоро, — прошептал Рубашечник с какой-то яростной убежденностью. — Болота совсем рядом. Я их... чувствую, я был здесь уже, был так близко....

— Твое счастье, если ты сейчас прав, — прорычал Охотник и с силой потащил его за собой дальше.

Рубашечник не сразу смог оторвать одну руку от куртки, чтобы протянуть ее Бетти. Бетти молча и крепко ухватлась за него и только в этот момент поняла, как вовремя это произошло. У нее почти не осталось сил идти.

— Бетти! — раздался за спиной сдвоенный крик Мэри-Энн.

Девочка обернулась и еле успела поймать веревку, прилетевшую ей в руки. Мэри и Энн добыли откуда-то (видимо из своей странной сумки) веревку и обвязались ей поперек пояса. Бетти кивнула и перекинула ее через плечо, крепко удерживая другой рукой Рубашечника. Его ладонь в мелких тонких шрамах надежно держала ее, а Охотник вел их странную упряжку через Топи.

Они не разговаривали, не смотрели друг на друга, и все их силы уходили только на то, чтобы сделать шаг, а потом еще один, а за ним — следующий. Они поднимали ноги из трясины с тихим, чавкающим плеском, преодолевая густое сопротивление, только для того, чтобы снова наступить в ту же трясину и увязнуть в ней — но уже продвинувшись вперед на целый шаг.

Шаги Охотника и Рубашечника были широкими и длинными за счет их роста и длины ног. Бетти и Мэри-Энн старались попадать в их медленно тающие в темной земле следы, и им приходилось прыгать, чтобы дотянуться до них, но им удавалось идти в ногу.

Бетти не считала шаги. В тот момент ей показалось глупым это делать, да и в принципе растрачиваться на мысли. Вся ее суть свелась к простому передвижению ног. Но в какой-то момент, через десять, а может быть и через сто шагов, она почувствовала, что сопротивление земли угасает. Каждый шаг давался легче, и ноги перестали проваливаться на глубину, и в какой-то момент Бетти пошла почти нормальным шагом.

Правда, тут же налетела на Рубашечника, который остановился как вкопанный, глядя перед собой. Охотник стоял рядом с ним, не отрывая глаз от линии горизонта. Бетти потребовалось некоторое время, чтобы вернуть себе способность мыслить и рассуждать, и только тогда она смогла сообразить, что в этом мире появился горизонт.

Настоящий горизонт!

Мэри и Энн встали рядом с Бетти и тоже посмотрели вдаль. На горизонте угадывались деревья и тени чего-то, что могло оказаться руинами забытого здания. Или... церкви. Затаив дыхание, Бетти огляделась.

Они стояли на островке чистой земли, за спинами бурлила и пузырилась горячая земля, клубился туман, а впереди раскинулось что-то, что больше всего напоминало ровное темное зеркало цвета бутылочного стекла.

Тишина становилась невыносимой, и Рубашечник первым нарушил ее:
— Болота Тревоги. Мы дошли.

Глава 17.

Болота Тревоги показались Бетти больше похожими на озеро — такое было у них в городке в Центральном парке. Когда-то на этом месте было поселение, и в парке сохранились руины и, куда водили школьные экскурсии и редких туристов. Сама Бетти была там один раз и мало что запомнила, а к озеру ее не отпускали одну. Ее вообще редко отпускали дальше улицы Высоких Осин. Но величественную молчаливую озерную гладь она иногда видела во сне.

И теперь Болота Тревоги отозвались в ней смутными воспоминаниями.

Только в том озере, с грустью вспомнила Бетти, отражалось солнце и плавали белые лебеди. А здесь не было ни солнца, ни лебедей.

— Надо идти дальше, — тихо сказал Рубашечник и зачем-то положил руку ей на плечо. — Охотники... Они близко.

— Я знаю, — отозвался Охотник таким же негромким голосом. — Я их чую.

— Как мы пройдем дальше? — спросила Бетти, с трудом отрывая взгляд от зеленой воды. — Здесь же нет ни одного моста, или кочки, или дерева...

— Правильно. И не должно быть. Неоткуда здесь этому взяться, — решительно сказала Энн и села прямо на землю, окончательно поставив крест на своем когда-то очень красивом платье.

— Тревога ничего не может дать, зато постоянно отбирает. И хочет больше, больше... Нельзя пройти Болота Тревоги, ничем не пожертвовав.

— Но я не хочу жертвовать! — возмутилась Бетти.

Энн пожала плечами.

— Тогда Болота утянут тебя, и все.

Бетти умолкла. Энн доставала из глубин сумки клубок спутанных нитей.

— Эх, а я надеялась, что выберусь отсюда и смогу вспомнить, кто я такая. — расстроено

сказала она.

— Это то, о чем я думаю? — нахмурилась Мэри.

— Да, — Энн отвела глаза. — Я давно нашла нити воспоминаний, которые рассказывают о той мне, которая все преодолела и написала много умных книг. Но, боюсь, эти воспоминания меня сейчас только тяготят. Зато нам всем пойдут на пользу.

— Откуда ты знаешь, что надо делать? — напряженным голосом спросил Рубашечник.

— Я не знаю, — улыбнулась Энн и протянула ему длинную серебристую нить. — Но я хочу рискнуть.

Рубашечник помедлил и принял нить из ее руки. Он принялся задумчиво вертеть ее в пальцах, глядя на зеленую болотную гладь. Он выглядел задумчивым и погруженным глубоко в себя.

Спутники его не торопили. Все помнили о том, что именно Рубашечник взялся привести их к цели. И если кто и мог придумать, как преодолеть Болота Тревоги, то только он. Он исследовал путь к свободе в течение бесконечно долгих лет и знал больше, чем все они вместе взятые.

Сердце Бетти тревожно билось в груди. Дом был так близко!... Она позволила себе на пару мгновений забыть о доме. О больших просторных комнатах, антикварной мебели, которую так любил ее отец, о вкусном ужине, приготовленном кухаркой Сесси Вик. О маме с папой, которые, наверное, уже волнуются и ищут ее по всему городку, не подозревая, что их дочь находится в совсем другом мире.

Об Артуре Ниме, которого так не хватало рядом. Он бы точно нашел правильный путь...

Бетти встряхнулась и открыла глаза. Не время раскисать! Надо идти вперед, и тогда встреча с мамой, папой и Артуром Нимом не за горами!

Подумав так, Бетти огляделась. Рубашечник по-прежнему стоял, зажав в кулаке воспоминания Энн, и о чем-то думал. Охотник нависал над его плечом, хмуро глядя вперед. Близняшки сидели на земле, тесно прижавшись друг к другу, голова Энн покоилась на плече Мэри, и Мэри осторожно гладила сестру по растрепанным каштановым косам.

— Болота Тревоги: шагни и утонешь, кричи — не услышат. зови — не придут, ты плачешь, кричишь и отчаянно стонешь, все тише и тише, а годы — идут... — прошептал Рубашечник себе под нос и сделал шаг вперед.

— Что? — Бетти потрясла головой, подумав, что дурацкий стишок ей послышался.

— Я знаю это... Откуда-то... — медленно проговорил Рубашечник. — Старая песня. Она о том, что Болота Тревоги заберут все светлое, что только у тебя есть. Все то, что дает тебе силы. Надежду, веру... Что-то еще...

— На то они и Болота Тревоги, — хмыкнул Охотник.

— Возможно, если отдать им воспоминания, они... Отвлекутся? — Рубашечник словно не услышал его.

Он присел на корточки и медленно опустил нить в трясину. Серебристое сияние вспыхнуло и растворилось в зеленой глади. Энн отняла голову от плеча Мэри и, чуть заметно вздрагивая, смотрела, как Болото поглощает одно из ее воспоминаний. Мэри крепко держала близняшку за руку.

Рубашечник не шевелился. Он наблюдал, как серебро медленно сливалось с зеленью, после чего протянул руку и пальцем дотронулся до воды.

— Здесь твердо. Может выдержать нас, но идти надо быстро. И... Я не знаю, как далеко мы сможем продвинуться.

— Это не проблема, — дрогнувшим голосом сказала Энн, вставая с земли, — у меня еще много воспоминаний.

— И у меня тоже, — глухо сказал Охотник. — И я отдам столько, сколько будет надо, чтобы выбраться отсюда.

— Тогда идем, скорее. — Рубашечник первым сделал шаг в зеленую воду. — Не отставайте! И идите след в след.

Болота под его ботинком чавкнули, вздохнули, но остались ровными, как клочок земли, на котором они стояли.

— Вперед, — решительно сказал Рубашечник.

Бетти последовала за ним.

Глава 18.

Болото под ногами чавкало, причмокивало и хлюпало, прихватывало за подошвы и ощущалось как липкая масса, но идти было можно. Пока оно не стремилось утопить никого из них, Бетти решила не обращать внимания на возможные неудобства. Следы Рубашечника еще некоторое время были видны в вязкой трясине, и Бетти удавалось ступать след в след по его шагам. Она успела заметить, что у Рубашечника очень узкая и небольшая ступня — при таком высоком росте это было удивительно. Но сильно задумываться об этом было некогда: в спину Бетти сосредоточенно пыхтела Мэри, за ней торопливо шагала Энн, а Охотник, замыкающий цепочку, неустанно подталкивал их вперед. Никто не был уверен, на сколько хватит воспоминаний Энн и успеют ли они дойти до следующего обманчивого островка спокойствия,

маячившего посередине озера. Бетти смотрела на островок и думала, что видела такие же в Центральном парке. Их насыпали для птиц, чтобы они могли сидеть там в дневное время. В Центральном парке были разные птицы, лебеди и утки, и на ночь их запирали в специальные дома, а утром выпускали на озеро.

Воспоминания увели Бетти дальше, в тот день, когда они с Артуром Нимом пошли кормить лебедей. До парка они так и не дошли, завернули в магазин комиксов и просидели там весь вечер, рассматривая все подряд, но Артур Ним успел рассказать ей, что птиц ни за что нельзя кормить хлебом. Особенно лебедей.

— Чем же их тогда кормить? — удивилась Бетти.

— Салатом, — пожал плечами Артур Ним. — Или травой. Но хлеб их убивает.

Вот это Бетти запомнила очень хорошо. Интересно, а местным лебедем тоже нельзя хлеб? Поймав за хвост мелькнувшую мысль, Бетти вздрогнула и огляделась. Если здесь и водились птицы, она не хотела с ними повстречаться. Говорят, и обычные лебеди не отличаются добрым нравом (или это гуси? неважно, все равно им лучше не лезть под клюв), что уж говорить про тех, которым выпало служить Ткачихе?

— А как вы думаете, здесь водятся ле... — все-таки решила спросить она, но в этот момент Рубашечник оступился и рухнул на колени в вязкую трясины.

— Назад! — не своим голосом выкрикнул он.

Бетти и близняшки шарахнулись, попав в крепкие объятия Охотника, подстраховавшего их от падения. Почва под их ногами становилась вязкой и тягучей.

— Не хватило! — Рубашечник в ярости стукнул кулаком по воде. — Надо еще!

— Я поищу... — Энн полезла в сумку, и Бетти сначала посмотрела на ее руки, а потом едва не удержалась от вопля ужаса: ноги Энн по щиколотку погрузились в Болото.

Она перевела взгляд на свои ноги: она тоже тонула.

Медленно, украдкой, не привлекая к себе внимания, Болото принялось их засасывать.

— Я ищу, ищу! — приговаривала Энн, пытаясь открыть сумку.

— Не успеем, — Рубашечник оглянулся через плечо и в отчаянии закусил губу. — Надо быстро.

Бетти почувствовала спиной, как напрягся Охотник, как будто приготовившись к рывку, но Рубашечник успел раньше. Серебристая тонкая нить выскользнула из его пальцев и плавно исчезла в зеленой трясины. В тот же миг Бетти ощутила, что ее ноги больше ничего не держат и что она может свободно идти дальше. Она шагнула вперед и едва не столкнулась носом по спиной замершего неподвижно Рубашечника. Скосив глаза, она увидела, что его правое

запястье было полностью покрыто шрамами, и шрамы эти выглядели сейчас даже ярче и заметнее, чем когда она только встретила его.

Казалось, они встретились вечность назад. В мире Ткачихи не было времени, и Бетти перестала его ощущать. У нее было нынче два мерил: “тогда” и “сейчас”. Но что-то подсказывало ей, что стоит сосредоточиться на важном “сейчас”.

— Идем, — шепнула она и боднула Рубашечника лбом между лопаток.

Он улыбнулся — она не могла этого видеть, но определенно почувствовала, — и бодро пошел вперед.

— За мной! — крикнул он, махнув изуродованной рукой, и поспешил в сторону островка, манившего их с середины озера. Бетти, Мэри и Энн двинулись за ним, впопыхах забыв наступать точно след в след, и за их спинами злобно выругался Охотник.

— Привлекаете внимание! — рыкнул он.

— Охотник, миленький, нам надо торопиться, — прокричала Энн и схватила его за руку. Мэри взялась за вторую, и они почти побежали вперед.

И оказались правы: воспоминания, отданного Рубашечником, хватило ровно на путь до островка. Рубашечник и Бетти выбрались на черный клочок твердой земли первыми и помогли близняшкам, чьи туфельки снова начинали вязнуть в трясине.

Охотник одним прыжком взлетел на берег рядом с ними и одним движением сгреб Рубашечника за воротник:

— Ты!..

Рубашечник безвольно повис в его хватке, опустив голову. Седые, давно не чесанные волосы закрыли лицо, мешая его разглядеть. Охотник резко встряхнул его, заставляя поднять голову, и проорал:

— Какого дьявола?!

— Видел какой-то другой выход? — усмехнулся Рубашечник, упрямо глядя в землю.

— Без разницы. Ты должен вывести нас отсюда! Ты не имеешь права рисковать своей памятью, если только тебе известен путь!

— Ну брось, не так уж я и рисковал... — Рубашечник поднял, наконец, глаза, и продолжил, изучая лицо Охотника. — А если мы заблудимся, а я забуду что-то важное... Ты нас поведешь. У тебя же есть столько моих воспоминаний....

Охотник зарычал и сильнее стиснул пальцы на клетчатом воротнике.

— Я знаю, что ты меня обкрадывал, — продолжил Рубашечник, как будто не чувствуя неудобства. — И знаю, что воспоминания, которые ты носишь при себе, принадлежат мне. Эти

нити я долго выслеживал, и куда они пропали, я тоже видел. Удивляюсь только, почему ты не присвоил их себе до сих пор.

— Не твое дело, — рявкнул Охотник. — Ты должен отвести нас к Старой Церкви. Тогда я тебе их отдам. Не раньше.

— Как благородно! — расхохотался Рубашечник, запрокидывая голову. — Неужели ты собирал их специально для меня, в качестве подарка на Рождество? Впрочем, в этом мире же нет Рождества, какая жалость, даже повода не найдется!

— Это правда! — Охотник оттолкнул его от себя так, что Рубашечник едва не рухнул в болото, но сумел сохранить равновесие. При этом он продолжал неотрывно смотреть в лицо Охотнику и криво улыбаться. — Это... не всегда было так. Но теперь я так решил. Ты получишь свои воспоминания, если мы все спасемся. Этого достаточно?

— Достаточно для чего?

— Чтобы лишний раз не рисковать!

Рубашечник не ответил, только хмыкнул недовольно.

— Прекратите! — закричала вдруг Энн, с силой топнув ногой по твердой растрескавшейся земле. — Прекратите немедленно! Что вы за свару тут устроили? Мы посреди болота на какой-то кочке, самое время выяснять отношения! Взрослые люди!

— Да он угробит нас! — заорал Охотник, — Он нас всех тут и притопит, далеко ходить не надо.

— Говори за себя! — не остался в долгу Рубашечник и невольно принялся засучивать рукава клетчатой рубашки, словно готовясь броситься в драку. — Если кто-то среди нас и представляет реальную опасность, это ты!

— Да о чем вы? — вмешалась Мэри. — Какая-токая “реальная” опасность? Это мир Ткачихи, здесь нет ничего реального. Мы Сплетенные. Что нам терять-то? Нам надо Бетти вытащить!

— А я не хочу быть Сплетенным! — взревел Рубашечник. — Я только и делаю, что ищу для себя возможность выбраться отсюда!

— Для себя?! — не выдержала Бетти, которой порядком надоела эта ссора.

Она встала перед Рубашечником и прокричала ему в лицо:

— Для себя?! Ты обещал помочь мне! Вывести м е н я! Потому что я тут одна ж и в а я! И если я тут умру — от меня даже ниточки не останется!

— Бетти, и ты туда же! — схватила за голову Мэри. — Это все Болота, Болота. Они дурят нас, запахи и печальные виды отравляют наше сознание, поэтому мы так себя ведем!

— Надо выдохнуть, — тихо сказал Охотник. — Мэри-Энн права: не время и не место

ссориться.

— Ну наконец-то здравая мысль, — съязвила Энн, бросив быстрый взгляд через плечо. Она сидела на берегу, почти у самой трясины, и медленно скармливала болотам еще одну нить.

— Что ты делаешь? — закричала Бетти.

— Спасая нас всех, — пожала плечами Энн и попробовала ногой получившуюся дорожку. — А теперь за мной, пожалуйста, не отставайте и наступайте след в след. И... Прошу вас, перестаньте кричать. Это действует мне на нервы, не говоря уже о том, что Ткачиха наверняка услышала вас.

Бетти смутилась и покачала головой.

— Прости, Энн, — тихо сказала она. — Мне просто страшно. За себя, за тебя, за всех нас.

— Чем быстрее мы дойдем до другого конца болот, тем больше наш шанс уцелеть, — резко ответила Энн и зашагала вперед.

Бетти поспешила за ней, понимая: воспоминаний Энн могло хватить ненадолго.

Они выбрались на берег следующего островка и огляделись. Этот был пошире и казался более надежным. Чтобы пересечь его, потребовалось больше десяти шагов поперек и почти двадцать вдоль — а шаги у ушедшего на разведку Рубашечника были широкими.

— Мы можем задержаться здесь... ненадолго, — с сомнением проговорил он, потирая лоб. — Хотя я не хотел бы долго оставаться на болотах.

Энн снова села на землю.

— Мне надо отдохнуть, — попросила она. — Нужен отдых. Голова кружится, и тошнит.

Отдавать воспоминания не так уж и легко.

Мэри села рядом с ней и крепко обняла, погладив по волосам.

— Тсс... — шепнула она. — Отдыхай.

Глядя на них, Бетти вдруг поняла, что устала.

Очень сильно устала.

— Надо, — решительно сказала она и села на холодную землю. — Очень надо отдохнуть.

Присмотри за нами, Охотник...

Что ответил Охотник и ответил ли, девочка не услышала. Она уснула.

Глава 19.

Когда Бетти проснулась, сумерки вокруг словно бы сгустились. Может быть, это произошло оттого, что она надолго закрыла глаза. Или же... О более неприятных вещах она предпочитала

не думать.

Девочка села на земле и потянулась, разминая усталые мышцы. На холодной земле она порядочно замерзла, ведь в этот раз не было мягкой лесной хвои — постелить под спину. Она помотала головой, прогоняя воспоминания о светлом и кажущемся таким безопасным Лесе, и оглянулась. Неподалеку от нее, крепко обнимая друг друга, спали близняшки. Охотник сидел спиной к ним, глядя на воду, и одна рука его лежала на колчане со стрелами — он был наготове. Другой же — Бетти не сразу заметила — рассеянно гладил по волосам спящего на его коленях Рубашечника.

Бетти в очередной раз поразились их странным отношениям. Еще несколько часов назад они готовы были поубивать друг друга, а сейчас мирно пригрелись бок о бок. И Рубашечник, кажется, все-таки доверяет именно этому Охотнику, да и он оказался надежным спутником. Бетти решила, что надо придумать ему имя. Настоящее имя, а то что они называют его тем же словом, что и остальных, которые бродят неподалеку, намереваясь расплести их всех на серебряные нити воспоминаний и бросить под ноги Ткачихе, жаждущей не упустить ни крошки из своей добычи, какой бы она не была. Девочка осторожно поднялась на ноги и, тихо ступая кроссовками по мягкой земле, подошла к Охотнику и села рядом с ним, вытянув ноги в сторону зеленой трясины.

— Проснулась? — негромко спросил Охотник и взглядом показал на спящего Рубашечника: мол, тише, не разбуди.

— Проснулась, — шепотом ответила Бетти. — Все тихо?

— Да. И мне это не нравится, — с сомнением отозвался Охотник, поглядев по сторонам. — Как будто они наблюдают за нами. Смотрят, на что мы способны. А когда мы потеряем бдительность — тогда они нападут...

— Звучит невесело, — вздрогнула Бетти. — Хочется верить, что мы успеем пересечь Болота. Как думаешь, долго нам еще осталось?

— Я вижу еще один остров. Может быть, за ним уже будет берег... А может быть, еще острова. Я не знаю. Предпочитаю быть готовым к худшему. Каждый из нас должен быть готов отдать свои воспоминания. Кроме тебя.

— Кроме меня?

— Ты — самое ценное, что есть в этом мире сейчас, Бетти Бойл, живая девочка. И нам надо тебя сберечь. Может быть, выбравшись отсюда, ты найдешь способ помочь нам.

Бетти ошарашенно посмотрела на него.

— Ты... не веришь, что мы выберемся отсюда все?

— Посмотри правде в лицо, Бетти Бойл, — хмуро ответил Охотник. — Энн теряет воспоминания, и продолжит это делать, чтобы дать нам пройти. Мэри останется с ней до конца, ведь они — одно целое. Что до меня и... его... — его рука дрогнула, но продолжила гладить Рубашечника по седым волосам. — Я мечтаю вытащить отсюда его и спасти свою шкуру. Разобраться мы и на свободе сможем... Главное — выбраться. Но... Если нет, Бетти Бойл... Если нет, пожалуйста, не забывай о нас.

— Вот еще! — упрямо вздернула подбородок девочка. — Я не собираюсь вас здесь бросать, никого из вас!

— Нам бы всем твою уверенность, Бетти Бойл, — в уголках губ Охотника появилась тень улыбки. Бетти вспомнила, что пришла спросить про имя, но тут за их спинами послышался крик.

Кричала Энн.

Бетти вскочила на ноги и обернулась, готовая бежать на помощь. Рядом мощной скалой встал Охотник. Разбуженный Рубашечник сидел на земле и тер кулаками глаза, пытаясь проснуться окончательно.

— Что случилось? — крикнула Бетти.

Две фигурки в белых платьях подошли поближе. Энн кинулась к сумке и начала торопливо искать застежку. Мэри быстро проговорила:

— Там лебеди.

— Лебеди? Всего-то?.. — удивленно уточнила Бетти.

Мэри нервно хихикнула.

— Ты бы видела этих лебедей! И ведь лезут на берег! Тут нечем их отогнать — ничего не растет, даже палки нормальной не нашли.

— Палки не нашли, — угрожающе сказала Энн. — Зато есть чайник! Не зря же мы его брали! Бетти посмотрела на Энн и вдруг увидела ее совсем другими глазами. Маленькая девочка в потрепанном белом платье, с растрепавшимися косами, закрученными сзади в тугой пучок и завернутыми в оторванный от платья кусок ткани, перемазанная к грязи и тине кожа, больше не имеющая ни малейшего сходства с фарфоровой... Энн больше не напоминала фарфоровую куклу. А такого взгляда, как у нее сейчас, Бетти никогда и ни у кого не видела. Но сразу поняла, что это взгляд человека, готового сражаться до конца. Устоять.

Энн развернулась с чайником в руках и поспешила на другой конец острова. Охотник быстрыми плавными шагами последовал за ней, жестом велел остальным держаться в стороне. Мэри и Бетти переглянулись и осторожно пошли следом. Рубашечник замыкал шествие.

Лебеди в самом деле выходили на берег.

Едва только бросив на них взгляд, Бетти немедленно пожалела о своем желании увидеть местных лебедей. Они в самом деле отдаленно напоминали тех, что водятся в Центральном парке, только эти были черные, как смоль, и больше были похожи на живые скелеты. На костяном каркасе угадывалась тонкая прослойка кожи и редких, но длинных перьев, ноги с когтями рвали землю при каждом шаге, а в каждом черном, костяном клюве угадывались крепкие ряды зубов.

— Что это? — опасливо спросила Бетти, скорее для того, чтобы успокоиться от звука собственного голоса.

— Лебеди, — хмыкнул Рубашечник и добавил: — Какое болото, такие и птицы.

— Думаешь, они пришли за нами по приказу Ткачихи?

— А по чьему же еще? Здесь все и вся подчиняется только ей.

— Она играет с нами, — одними губами произнесла Мэри и вздрогнула, обхватив себя руками. — Она ни за что не даст нам пройти. Сначала эти... лебеди... чудовищные... А потом и Охотники придут!....

Бетти обняла ее за плечи.

— Тсссс... — прошептала она на ухо перепуганной девочке. — Не позволяй страху одолеть тебя. Помнишь? Мы стоим среди Болот Тревоги. Они питаются нашим страхом, беспокойством, гневом. Мы не должны поддаваться. Ну, подумаешь, лебеди зубастые. А мы их прогоним. Нам не страшно. Таких лебедей жарят и подают на Рождество, начиненных яблоками, ну?..

— Какое уж тут... Рождество... — всхлипнула Мэри, но потом едва заметно улыбнулась.

— Зато представь, какие тут яблоки — с такими птицами, — засмеялся Рубашечник и обнял обеих девочек своими длинными руками. — Смотрите. Кажется, бой выигрываем мы.

Энн не теряла времени даром. Она размахивала чайником, как боевая валькирия (Бетти читала про валькирий в книге Артура Нима), и доставляла лебедям много хлопот. Чайник то и дело опускался на черные головы, заставляя вхолостую клацать зубами или издавать обиженное рычание. Шепот и стоны птиц звучали пугающе, но Бетти, наблюдая из-за плеча Рубашечника, радовалась им: эти звуки означали, что их маленький отряд побеждает. Одна Энн с чайником стояла целой стаей костлявых монстров, которые, кажется, не умели летать: на едва обтянутых сизой тонкой кожей крыльях кое-как держалось несколько перьев. Зато ноги у них были мощные и мускулистые, и они достаточно быстро перебирали ими по земле. Те, кто не испугался чайника отважной Энн, продвигались вглубь островка в надежде

добраться до более доступной жертвы. Но здесь их встретил лук Охотника.

Вздвываясь огромной скалой, Охотник стоял неподвижно и отправлял стрелу за стрелой в темные глаза птиц. Они падали к его ногам, и Охотнику приходилось наклоняться, чтобы рывком вытащить стрелы — в колчане их было не так уж много. Но даже мощные ноги не делали птиц быстрее него.

Он двигался плавно, стремительно, казалось, одним движением закрепляя стрелу, натягивая тетиву и поражая цель с поразительной точностью.

Совсем скоро битва была закончена.

— Я могла бы предложить выпить чаю, но чайник разбился, — весело произнесла Энн, как будто бы ничего не случилось. Только капельки пота на висках и чуть подрагивающие руки выдавали ее волнение.

— Да и птица к ужину невкусная: кожа да кости, — Охотник презрительно пнул ближайшего мертвого лебедя. — Давайте двинемся дальше, если все готовы. Возможно, у нас осталось не так много времени.

— Вперед, — кивнул Рубашечник. — Кто готов сделать новый... мост?

— Моих воспоминаний еще хватит, — Энн решительно шагнула к берегу, в ту сторону, откуда пришли лебеди. — Помогите Охотнику собрать стрелы. Надо спешить.

Глава 20.

Таким образом Бетти и ее спутники преодолели еще три острова. На каждом из них они не встретили ни одного препятствия, что весьма порадовало девочек, но взволновало Охотника.

— Здесь что-то нечисто, — сказал он, замирая на крутом берегу островка, больше похожего на голову тюленя из старой сказки. — Она знает, где мы. Она уже послала к нам птиц. Где же Охотники?

— Она хочет, чтобы ты ждал, — сказал Рубашечник, уставившись себе под ноги. — Чтобы ты волновался. Чтобы твоя рука потеряла твердость, когда страх одолеет тебя. Не вздумай ему поддаться.

Охотник сурово кивнул.

Энн встала на колени и отдала очередное воспоминание жадным водам болот. С каждой отданной нитью она становилась все более замкнутой и тихой, в основном молчала и избегала встречаться взглядом с кем-либо.

— Вперед, — тихо, но твердо велела она. — Кажется, там земля.

Они дошли до конца болот. Бетти присмотрелась и едва не подпрыгнула от радости. Они перешли Болота!

Мягкая земля встретила их, как ей показалось, приветливо. На этой стороне росла мягкая высокая трава и виднелась невысокая поросль молодых деревьев. На горизонте возвышался силуэт какого-то строения.

— Это и есть Старая Церковь? — спросила она.

— Да, — кивнул Рубашечник.

— Тогда надо спешить!

— Не надо! — Рубашечник перехватил ее под локоть и притянул к себе ближе. — Если бы все было так просто...

Бетти не хотела слушать мрачные подозрения Рубашечника. Она вырвалась и пошла вперед, туда, где виднелись развалины. Но вдруг обратила внимание на небольшое водоем, мелькнувший за низкими кустами.

— Сюда! — крикнула она, похолодев.

Неужели все еще болота?...

— Что же ты так кричишь? — нахмурился Охотник, подходя ближе.

— Там вода. Какая-то вода. Что это?

— Мы на Зеркальном берегу, — раздался голос Мэри.

Бетти обернулась. Девочки уселись прямо на земле и разложили карту, которую извлекли из недр сумки.

— Видимо, Холмы запутали нас, — пояснила Энн, проводя пальцем по карте. — И вывели с другой стороны. Мы должны были попасть к мосту. А попали к Зеркальному берегу. Но это не страшно — нам не очень долго придется идти.

— А чем опасны Зеркальные берега? — спросил Охотник, сведя брови к переносице. — Мне не нравится их название.

— Здесь ничего не должно тебе нравиться, Охотник, — рассмеялся Рубашечник. — Но ты прав, они опасны. В них нельзя смотреть, особенно в глаза своему отражению. Говорят, что Ткачиха наблюдает сотней своих глаз из каждого зеркала. Надо отводить глаза и смотреть в землю, и тогда, может быть, мы сможем пройти между ними, не пострадав.

— И идти надо быстрее, — Мэри встала с земли и помогла подняться Энн. — Возможно, нас уже видят.

— Не возможно, а точно, — покачал головой Рубашечник. — Но торопиться надо. Кто знает, сколько еще Ткачихе будет интересно играть с добычей — и когда она захочет на нас напасть.

С этими словами он первый двинулся к блестящему между деревьями озерцу. Бетти старательно уперев взгляд в землю, поспешила за ним.

На мгновение ей показалось, что в сумрачном мире Ткачихи снова взошло солнце — как это было в Лесу. Точнее, теперь она ясно понимала, что никакого солнца не было, была лишь тщательно развешанная декорация, иллюзия, сплетенная из воспоминаний несчастных, навсегда растворившихся в темном холодном мире жадной, ненасытной Ткачихи. Но солнце всегда обладало способностью вселить в Бетти уверенность и надежду, и теперь девочка, поймав краем глаза блики на зеркальных поверхностях, воспряла духом. Она вспоминала солнце, разлитое над улицей Высоких Осин, и на сердце у нее теплело.

Бетти казалось, что путь их лежит через бесконечный зеркальный лабиринт. Одинокая тропинка петляла и вилась между зеркальными отблесками холмов.

На одном из поворотов Бетти поскользнулась, оступилась и замахала руками, силясь удержать равновесие. Шедший позади Охотник подхватил ее, не давая упасть, но было поздно: девочка подняла голову и встретилась взглядом со своим отражением на зеркальной коре поваленного дерева. Дерево отражало все вокруг, точно зеркало в школьном фойе, и как Бетти ни старалась увести взгляд, она все равно сталкивалась со своими же глазами.

Ткачиха! — пронеслось у нее в голове. — На нас посмотрит Ткачиха, я все испортила, все пропало!

— Бетти? — раздался вдруг такой знакомый, почти забытый голос, который Бетти никак не ожидала когда-либо услышать в этом месте — или вообще когда-нибудь услышать. — Бетти Бойл?!

— Артур!!! — закричала Бетти и бросилась к зеркальному дереву, вырвавшись из крепких объятий Охотника. — Артур Ним?!

— Бетти, это ловушка! — застонал Рубашечник, прижимая руки к лицу.

— Да нет же, — ответила Бетти, размахивая руками. — Это не ловушка, это Артур! Артур! Как ты?... Ты слышишь меня? Видишь?..

— Вижу и слышу, Бетти Бойл, — отозвался Артур Ним, чье лицо сосредоточенно расплзлось по всей поверхности дерева, заменяя собой отражение Бетти. — Вижу тебя в озере в Центральном парке! Я гулял с Джоком и кормил лебедей, и вдруг увидел твое лицо.

— Артур, это просто чудо! Я в беде, Артур!

— В какой беде? Что случилось?

— Артур, я не знаю, как тебе это сказать, просто... Мне нужна твоя помощь, Артур!

— Где ты сейчас? Что с тобой?

— Со мной все в порядке, просто я... Я в другом мире!..

Глава 21.

Бетти потребовалось время, чтобы внятно объяснить Артуру Ниму, что с ней произошло. Она торопилась и подгоняла саму себя, опасаясь, что связь может прерваться в любой момент, и путалась в словах, не зная, что сказать. Легко было просить его о помощи, но какой именно эта помощь должна была быть?

На ее счастье, в дело вмешался Рубашечник.

— Здравствуй, Артур Ним, — сказал он, присаживаясь рядом с Бетти у Зеркального дерева. — Буду надеяться, что это и правда ты, а не хитроумная ловушка Ткачихи. Впрочем, ей и без того известно, куда мы идем. А если я правильно понимаю сходство двух миров, неподалеку от того места, где ты сейчас стоишь и говоришь с нами, есть старые руины. Это правда?

— Так, — кивнул все еще мало что понимающий Артур Ним. — Я в Центральном парке, здесь есть старая английская церковь. Точнее, то, что от нее осталось.

— Старая Церковь! — закричала Бетти. — Это она!

— Верно, — обрадовался Рубашечник. — Послушай, Артур Ним. Отправляйся к руинам и жди там. Ждать, возможно, придется долго: я не могу тебе сказать, с какой скоростью течет время здесь и у вас, поэтому запасись едой и теплой одеждой. И жди нас. Мы дадим о себе знать.

— А вас там много? — деловито осведомился Артур.

— Пятеро, — ответила Бетти, оглядев свой отряд. — Пока — пятеро, и я надеюсь, что меньше нас не станет.

— Пятеро. Принято, — серьезно кивнул Артур. — Задание понял, отправляюсь к Старой Церкви и буду ждать сигнала.

— Пусть наберет воду из того водоема, в котором нас видит, — прошептала Мэри на ухо Бетти. — А вдруг дело в ней?

— Ты гений! — отозвалась Бетти и закричала: — Артур! Артур, ты слышал? Перелей куда-нибудь воду, в которой видишь сейчас меня! Вдруг дело в ней.

В смутном зеркальном отражении было видно, что Артур поправил очки.

— Я уже подумал так и сделать, — сказал он. — Не волнуйся, Бетти Бойл, я сделаю все, чтобы вытащить тебя и твоих друзей оттуда, где вы сейчас застряли.

— Ох, Артур!

Изображение пошло рябью.

— Артур, связь теряется, — снова закричала Бетти, — вытащи нас, Артур!

— Сделаю все, что в моих силах, — отозвался мальчик. — Береги себя!

Изображение исчезло. Некоторое время Бетти просто молча разглядывала зеркальную кору дерева, в которой теперь отражались только их с Рубашечником лица.

— Поверить не могу... — прошептала она.

— Удивительное совпадением, — кивнул Рубашечник.

— Это все еще может быть ловушкой Ткачихи, — покачал головой Охотник, подходя ближе.

Бетти увидела краем глаза, как он снял с пояса топор и, размахнувшись, опустил его на зеркальную кору.

— Что ты делаешь?! — девочка вскочила на ноги, готовая его остановить.

— Если это ловушка Ткачихи, нас уже ничто не спасет, — сквозь зубы ответил Охотник. —

Но если это правда был твой друг из другого мира, нам надо постараться сохранить с ним связь. Эти зеркала — замерзшая вода Топей, зачарованная Ткачихой. Мне думается, что она связана каким-то образом с той водой из настоящего озера. Мы должны взять с собой осколок. Может быть, так мы сможем говорить с ним. И он с нами. Мэри не случайно велела ему набрать воды.

В его словах был резон. Бетти кивнула и вместе с Рубашечником отошла в сторону — наблюдать за работой Охотника. Тот размашисто опускал топор на дерево, снова и снова, до тех пор, пока от его мерных движений зеркальная кора не пошла трещинами и огромный кусок не свалился прямо в вовремя подставленные ладони Рубашечника. Острые края оставили на его руках новые царапины, которые немедленно стали кровоточить.

— Надо бы завернуть это в какую-то тряпицу... Стекло острое, — поморщился Рубашечник.

— У нас все еще есть сумка, — сказала Мэри. — Чайник мы потеряли, когда сражались с лебедями, но сумка осталась при нас. Она мягкая.

— Давайте ее сюда!

Энн молча протянула ему сумку. Рубашечник бережно опустил кусок зеркальной коры внутрь и несколько раз сложил ее пополам, так, чтобы зеркало было тщательно защищено. Бетти заметила, что после этого он быстро вытер ладони о свою черно-красную рубашку. Девочка невольно подумала, что на такой ткани не видны следы крови. Сколько раз ему приходилось вытирать так руки?

Рубашечник перехватил ее взгляд и вопросительно поднял брови. Бетти вспыхнула и отвела глаза словно ее застучали на чем-то неприличном, и немедленно уперлась взглядом в Энн. Та стояла в стороне, наблюдая за происходящим отрешенным взглядом.

С момента перехода через болота она сильно изменилась: стала тихой, не подавала голоса и послушно следовала за Мэри. Она не выглядела поглупевшей или вдруг потерявшей память — скорее сосредоточенной на том, что оставалось у нее внутри. Бетти впервые пришла в голову мысль, что окружающие ее люди отдали ради ее возвращения гораздо больше, чем она сама. Можно было бы уже начать им доверять. Или хотя бы называть друзьями.

Да, с этого, пожалуй, ей и следовало сейчас начать.

— Друзья! — громко сказала она, так, чтобы все услышали.

За ее спиной раздался задумчивый хмык Охотника. Спутники обступили Бетти и, казалось, были готовы ее слушать.

— Человек, с которым мы говорили, мой друг, из мира, откуда я пришла, — Артур Ним. Я не знаю еще, чем он может нам помочь, но уверена, что гораздо лучше знать, что мы не одни блуждаем в темноте, что нас где-то ждут... — Бетти остановилась, чтобы перевести дыхание. Мотивирующие речи никогда ей не давались.

— Я прошу вас... Прошу вас не падать духом. Мы много пережили, пока шли через Болота, и сейчас мы все готовы сдаться. Каждый из нас. Но нельзя, совсем нельзя отчаиваться!

Наоборот: мы должны помнить о пройденном пути. Где мы начали, и где мы теперь. Мы с Рубашечником, — Бетти протянула руку и сжала некрепко его пострадавшую ладонь в своей, — вышли из Леса, еще не зная даже, куда именно лежит наш путь. Мы попали в Холмы и встретили там Мэри и Энн, и это знакомство не только помогло нам найти дорогу, но и сделало чуть больше... Мы нашли друг друга, и это мы с Рубашеником заразили Мэри и Энн идеей, что Холмы можно покинуть. Потом мы позвали с нами Охотника, который так же устал от тирании Ткачихи. Этот мир вокруг нас — серый, душный и неживой, но ведь мы все еще помним, что он соткан из наших страхов и страданий? Выше нос, друзья. Мы почти у цели. Старая Церковь так близко. Вместе мы покинем это место и выйдем в Центральном парке. А там, знаете... — голос Бетти дрогнул. — Там солнце.

Воцарилась тишина. Некоторое время все стояли, не шевелясь, и пристально смотрели на Бетти. Наконец Рубашечник улыбнулся — светло и просто, так, как улыбался ей давным-давно в солнечном Лесу.

— Замечательные слова, Бетти Бойл, — сказал он. — Мне их не хватало.

— И правда чудесные слова, Бетти, — прошептала Мэри.

— Они вдохновляют, — сдержанно кивнула Энн, словно боялась расплескать переполнявшие ее слова.

На плечо девочки легла тяжелая рука Охотника.

— Веди нас, Бетти Бойл.

Бетти вздохнула и сделала шаг вперед по тропинке. Внезапно ей стало казаться, что туман вокруг стал менее густым, тропинка высохла и в целом стало светлее. Пройдя несколько шагов, она увидела кое-что и поняла: она все делает правильно.

Едва заметный солнечный луч упал на тропинку перед ее ногами.

— Солнце... — прошептала Бетти и крикнула в голос: — Солнце!!! Друзья мои, вперед. Вперед!

Глава 22

Бетти и ее спутники шагали вдоль Зеркальных берегов и старательно отводили глаза от любых отражений, попадавших им на пути. Всем было ясно: так, как в прошлый раз, им может больше не повезти, и мало ли кто посмотрит на них из зеркальной глубины. Погоня по их следам по-прежнему не показывалась, и Ткачиха никак не являла им своего присутствия, а посветлевшие окрестности и солнечный луч, проявившийся среди серой хмари, внушали надежду на лучшее.

— Быть может, мы просто достаточно безумны, и с нами уже ничего не поделаешь, — говорила Мэри, пританцовывая на каждом шагу. — Может быть, нас просто оставят в покое и займутся кем-нибудь, более безобидным.

— Я бы не надеялся на столь простой исход, — усмехнулся Охотник. — Но было бы здорово и в самом деле успеть дойти до Старой церкви до того, как Ткачиха примется за нас всерьез.

— Рубашечник, — обратилась к молчаливо идущему позади спутнику Бетти, — ты говорил, что узнал про Старую церковь из старинных легенд. Расскажешь их нам? Нам все равно еще идти и идти. А я об этих легендах ничего не знаю...

— В самом деле, Рубашечник, расскажи! — загорелась Мэри.

Энн кивнула, Охотник бросил одобрителный взгляд через плечо, и Рубашечник смирился.

— Хорошо, я расскажу вам эту легенду. Не спрашивайте, откуда именно я ее узнал: через мои руки прошло множество блуждающих воспоминаний. Так вот, много лет назад жила одна девушка, жила в доме у Холма, что лицом выходил на реку...

Рубашечник вздохнул и тихо запел:

Жила Дженни Ли у Холмов, у далеких зеленых Холмов,

В доме том, что лицом выходил на быструю-быструю реку,

*А в той реке было рыбы так много, что давалась она в руки,
В доме том не было места горю, грусти, тоске и скуке,
Раз Дженни Ли увлеклась пришедшим в их дом человеком,
Пришел он в тот дом у далеких зеленых Холмов...*

Голос у Рубашеника был красивый, глубокий, и песня лилась серебристыми переливами, как будто и в самом деле была соткана из нитей воспоминаний.

*...пошла Дженни Ли за Холмы, за далекие эти Холмы,
Увел человек Дженни Ли за собой, ничего не сказав никому,
И травы поникли, увяли цветы, и птицы кричали в тиши,
И кончился смех, и пропало веселье, и в доме том нет ни души,
И кто бы сказал, отчего, и кто бы сказал, почему,
Пошла Дженни Ли с человеком за дальние эти Холмы...*

Бетти никогда раньше не слышала эту песню. История и в самом деле получалась грустная. Человек увел Дженни Ли за Холмы, и там она должны была пропасть, потому что свет мира людей погас для нее, а человек этот разлюбил ее вскоре и оставил. Но Дженни Ли не потеряла надежды и вернулась обратно тем же путем, которым человек ее увел, а старую церковь на вершине холма обошла противосолонь три раза, и открылась ей дверь в мир живых людей. Так на хорошей ноте песня и закончилась: Дженни Ли вернулась домой, и счастье вернулось вместе с ней.

— А как ей пришло в голову, что церковь надо обойти противо... противосо... Что это вообще за слово такое? — спросила Бетти.

— Противосолонь — значит, против солнца, то есть против часовой стрелки, — сказала Мэри.

— Ой, я не знала. Так как она придумала это?

— В давние времена такой способ — делать что-то против часовой стрелки — считался возможностью отогнать любое колдовство, — сказал Рубашечник. — И в очень многих сказках и легендах об украденных в Холмы людях, в сказках об эльфах, встречался именно этот способ.

— Очень часто что-то, описываемое в одной легенде, а потом повторяющееся в других, имело под собой реальное основание, — подала голос Энн.

— Значит, у нас и в самом деле есть надежда, — улыбнулся Охотник. — Смотрите. А ведь

пока мы слушали песню, Зеркальные берега почти подошли к концу. Мы приближаемся к цели.

— Ничего не бойтесь, — Бетти охватил боевой задор. — Мы прошли долгий путь!

Зеркальные топи и в самом деле остались позади. Бетти огляделась по сторонам и увидела, что они стоят на зеленой поляне, и окружающий пейзаж больше напоминает Лес, чем Топи. Ей было ясно, что это иллюзия, которой не стоит поддаваться: Ткачиха наверняка только этого и ждала, чтобы натравить на них Охотников. Но от вида более зеленой, чем прежде, травы у нее отлегло от сердца. Тем более, что трава не пыталась схватить ее за ногу или немедленно сожрать. После всего, через что им довелось пройти, уже одно это заставляло девочку радоваться. Бетти осмотрела себя с ног до головы и хмыкнула недовольно: ее красивая некогда одежда полностью пришла в негодность. По возвращении домой придется выкинуть кроссовки, которым не было и недели, да и любимые джинсы уже не спасти. Друзья выглядели не лучше. Мэри-Энн потеряли свой фарфоровый лоск еще на подходе к Болотам, а по Рубашечнику можно было сказать, что в своей знаменитой рубашке он путешествовал по Топям по шею в воде. Один Охотник в кожаной одежде и с туго заплетенной косой выглядел почти так же опрятно и внушительно, как во время первой их встречи.

Шампунь, подумала Бетти, вот чего мне так сильно здесь не хватает. Шампуня... И душистого мыла, и любимой зеленой мочалки, и бомбы для ванны, чтобы наполнить воду светло-розовой пеной с запахом яблока. И залечь в нее часа на три. Может быть, тогда удалось бы прогнать навсегда запах гниения, преследовавший их еще с Холмов. Запах могильной земли и мертвых лебедей.

— Нам не стоит надолго задерживаться здесь, — сказал Рубашечник, дав возможность девочке немного передохнуть и привести себя в порядок.

Сам он даже не пытался отряхнуться, только заплел свисающие сосульками волосы в косу, и она болталась теперь по спине.

Охотник нервно провел носом и огляделся по сторонам.

— Поспешим. Эта тишина обманчива. За нами идут.

Мэри побледнела.

— Как... идут? Кто?

Охотник снял с пояса топор и подбросил его в руке.

— Как — кто? Охотники. Ткачиха не отпустит нас просто так. Забудьте об этом. Идите вперед.

Остальные медлили, вопросительно глядя на него.

— Идите вперед, я сказал! — рявкнул Охотник, и они, наконец, послушались.

Глава 23.

Не успела Бетти сделать и нескольких шагов, как в воздухе вокруг нее вспыхнули, засияв, серебряные нити. Они выглядели точно так же, как плывущие в мареве воздуха над Холмами, но теперь они не дрейфовали по ветру. Нити превратились в крепко сплетенную паутину, и теперь не оставалось иного выхода, кроме как идти вперед, к подвесному мосту, едва показавшемуся из-за поворота. Нити отрезали им пути к отступлению, и сойти с тропы не вышло бы: паутина поджидала их в двух шагах, точно зазевавшихся мух.

— Вперед!!! Бежим! — крикнула Бетти и потянула за руку Рубашечника.

Рубашечник не торопился бежать — другой рукой прижимая к себе сумку с зеркалом, он стоял, нервно оглядываясь по сторонам. Черные тени наплывали со всех сторон, и постепенно из сумрака выходили высокие силуэты. Существа эти были замотаны в черные плащи, высокие сапоги их ступали по земле Топей, не проваливаясь в нее, а лица... Их лица Бетти увидела один раз и предпочла бы забыть навсегда.

Она-то думала, что у Охотника лицо плохо выражало эмоции и было точно высечено из камня! Она ошибалась.

Лица настоящих Охотников только отдаленно напоминали человеческие. В них была лишь равнодушная жестокость, и Бетти понимала: эти существа пойдут на все, чтобы выполнить приказ.

Развернувшись лицом к врагам, Бетти начала медленно отступать. Рубашечник нехотя пошел за ней, хотя всем своим видом показывал, что желает помочь Охотнику сражаться. Мэри-Энн крепко прижимались друг к другу и старались держаться как можно ближе к Бетти.

— Бегите, не стойте на месте! — вновь крикнул Охотник.

Он начал отступать, взяв топор наизготовку. Бетти было ясно, что, напади Охотники сейчас, и один этот топор ничем не смог бы им помочь. Равно как и лук, и все прочее, чем владел их друг. Но Охотники медлили, окружали темной тучей и давали возможность уйти.

Бетти все было ясно. Она не раз видела, как соседский кот играет с мышью перед тем, как съесть ее.

Значит, Охотники были уверены, что у них нет ни малейшего шанса.

— Все, что нам надо — успеть добежать до моста... — безнадежно застонал Рубашечник за ее плечом.

Он тоже не верил, что им позволят это сделать.

Охотники чувствовали свою власть над беглецами, упивались их страхом. Казалось, страх заставлял нити светиться ярче, впитывать безнадежный ужас, охватывающий любого при виде неподвижных лиц и застывших в ожидании черных фигур.

За ними не было видно ничего — только тьма, без единого блика света, матовая чернота, и Бетти вспомнила, что уже встречалась с такой чернотой. И сбежала от нее.

Сотни глаз Ткачихи наблюдали за ними со всех сторон. Ткачиха была здесь. Как огромный паук, который никогда не отпустит свою добычу, и чем больше жалкая муха будет биться в надежде спастись, тем крепче будет затягиваться паутина вокруг нее.

Ткачиха пришла за ними.

Они проиграли.

— Бетти! — послышался вдруг голос, который девочка никогда уже не ожидала услышать. —

Бетти, ты слышишь меня?

— Артур? — сообразила девочка и схватила сумку, которую Рубашечник по-прежнему держал в руках.

Едва достав стекло, она закричала снова:

— Артур Ним?!

— Бетти, это я, — отражение Артура в куске зеркальной коры было размытым и тусклым, но угадывалось довольно отчетливо. — Как вы, идете? Я дошел до развалин в парке, тут, кстати, довольно живописно — и руины, и холмики повсюду, и мостик этот...

— Мостик?! Там есть мост? — Бетти едва не выронила зеркало от удивления, и Рубашечник подставил под него ладони.

Мэри-Энн встали по обеим сторонам от них, не пытаясь закрыть от всевидящих глаз Ткачихи, но демонстрируя ей, что будут защищать до последнего и Бетти, и их единственную связь с реальным миром.

— Здесь есть мост, — тем временем обстоятельно отвечал Артур Ним. — Старенький такой, почти развалившийся, дерево рассохлось. Похоже, его строили в то же время, что и эту церковь. Или совсем немного позже.

— Тут тоже есть мост! Мы спешим к нему, кажется, Старая Церковь должна быть на другом берегу, — от внезапно нахлынувшего облегчения Бетти едва могла говорить.

— Если этот мир — отражение настоящего, то, скорее всего, ты права, — улыбнулся Рубашечник. — И это значит, что нам надо рискнуть.

— По-настоящему рискнуть, — кивнула Бетти. — Посмотри вокруг — терять нам уже

нечего.

— Человек, который ничего не теряет, держит в руках весь мир, — Рубашечник бережно забрал зеркало и убрал обратно в сумку, которую надежно закрепил на себе. — Ты готова бороться, Бетти Бойл?

— Я готова, Рубашечник, — твердо сказала Бетти.

Потом обернулась к Мэри-Энн и Охотнику и сказала:

— Бежим. Так быстро, как только можем. К мосту и к Старой Церкви, что обязательно кроется за мостом. Забыв о страхе, не поддаваясь паническому ужасу, который каждый из нас, я уверена, чувствует перед лицом врага. Без сожалений, без раздумий. Все, что нам надо — перейти этот мост. Поэтому... Вперед!

И они побежали.

Глава 24.

В тот же самый миг Охотники бросились на них, точно повинаясь чьей-то команде, которая не прозвучала. Черные тени окружили беглецов, скользнули к ним ближе, словно у Охотников не было ног и они летали по воздуху. В непроглядной черноте за их спинами вспыхнула сотня глаз. Серебряные нити паутины натянулись и рванулись вперед, готовые никому не позволить добраться до моста.

Охотник изо всех сил орудовал топором, разрубая нити, нацелившиеся на его руки. Мэри-Энн уворачивались, как могли, но у них не было никакого оружия, и Охотнику приходилось защищать и себя, и девочек. Бетти отчаянно махала по сторонам ножом Охотника и жалела, что у них не нашлось времени преподать ей пару уроков. Но несколько нитей безвольно опали на землю после его ударов, и это придало ей сил.

Рубашечник поначалу отмахивался сумкой, потом, словно что-то сообразив, замер, торопливо залез внутрь сумки и достал кусок зеркальной коры. Ее острые края резали нити не хуже ножа, а блеск зеркальной поверхности оказался отвратителен Охотникам. Темные тени, почти добравшиеся до Рубашечника, шарахнулись прочь.

— Они боятся света! — поняла Бетти. — Они боятся света, который исходит от этого зеркала! Наверное, это свет мира живых!

Рубашечник услышал ее и выставил зеркало перед собой, не давая Охотникам приблизиться. Теперь он прикрывал отряд. Охотник поспешил увести Мэри-Энн поближе к Бетти и сам отступал вместе с ними. Рубашечник выпрямил руки и начал делать нарочито медленные

шаги, давая возможность друзьям уйти как можно дальше. Он выглядел грозно: с зеркалом в руках, в черно-красной рубашке, с белыми волосами, разметавшимися по спине.

Сосредоточенно глядя перед собой, он поворачивал зеркало в сторону особо притких Охотников и не давал им коснуться себя ни рукой, ни оружием.

Тишина вокруг превратилась в звук, все зашипело, запело, словно искореженная пластинка, и звук этот был отвратителен. Казалось, его можно было не только слышать, но и видеть, трогать, пробовать на вкус, но все это вызывало только большее отвращение. Бетти закусила губу и замотала головой, пытаясь отогнать звук прочь.

Воспользовавшись замешательством беглецов, Охотники напали. И проббили бы оборону, скорее всего, если бы Охотник не ринулся в бой, размахивая топором.

Бетти еще успела подумать, что их Охотник совершенно не похож на слуг Ткачихи. Такой же человек, как и все они. Ничего темного и зловещего в нем уже не осталось. А было ли?..

А потом она побежала так быстро, как могла, уже не думая ни о ком, думая только о мосте, который был так близко, всего в нескольких шагах. И мост бросился ей под ноги, она вцепилась до боли в сжатых кулаках в веревочные перила и замерла на месте, беспомощно обернувшись через плечо на друзей.

— Беги вперед! — крикнула Мэри. — На ту сторону, не медли!

Бетти сделала шаг и остановилась как вкопанная. Мост под ней зашатался. Он был сколочен из грубых деревянных досок и перевязан веревочными перемычками. Надежностью от него и не пахло. Бетти осторожно сделала еще один шаг вперед. Мост затрясся под ней, мешая идти, заходил ходуном. От страха Бетти вцепилась в веревочные перила так сильно, что с трудом смогла заставить себя разжать пальцы, чтобы ухватиться снова, но уже подальше. Казалось, стоит ей отпустить руку, как она немедленно полетит вниз, в непроглядный мрак, в черное вязкое ничто, в которое превратилась река. И было ясно: угоди она в это ничто и всему придет конец. Больше не будет шанса вырваться оттуда, спастись, а значит — ничего не будет вообще. Она навсегда останется пленницей Ткачихи, которая переплетет ее на серебряные нити и пустит по ветру над Холмами, а Бетти Бойл исчезнет, и никто никогда не вспомнит больше о ней.

Бетти стиснула зубы и сделала еще шаг, за ним еще и еще. Одеревеневшие пальцы не слушались, колени трусливо подгибались, и она боялась, что часть пути ей придется проползти, потому что удержаться на ногах не выйдет. Но мысль о вечном заточении в двумерном мире Ткачихи, где не было ни солнечного света, ни тепла, ни мамы, ни настоящих друзей — за редким исключением, но эти исключения сражались за ее спиной за возможность

так же не быть поглощенными черным матовым хаосом, заставила ее разозлиться.

— Я тебе не дамся, — прошипела Бетти и с трудом переставила ногу на еще одну перекладину моста. От страха ноги стали ватными и мягкими, как мешки с соломой. — Я живая. Я вернусь домой. К маме. И Артуру Ниму. И в школу буду ходить. И послушной буду. И никогда. Больше. Не. Буду. Отчаиваться!

С последними словами она все-таки добралась до края моста и упала на влажную зеленую траву, пригибавшуюся под ее коленями и ладонями. Мост остался позади.

Некоторое время ей потребовалось, чтобы просто отдышаться и немного прийти в себя. Она смогла. Она преодолела последнее препятствие, отделявшее ее от прохода домой. Одна эта мысль могла вновь поставить ее на ноги.

Бетти села на траву (на ощупь почти как настоящую!) лицом к мосту. Ее друзья по-прежнему сражались на другой стороне моста и почему-то не спешили перебираться следом за ней.

Охотники осаждали их со всех сторон, и Бетти с ужасом поняла, что защищаться долго они не смогут.

— Идите сюда! — крикнула она. — Почему вы не идете?

— Мы не можем! — крикнула Энн в ответ. Она вцепилась в основание моста и повернулась к нему лицом, но так и не сделала шаг. — Ты должна позвать!

— Я зову! Зову!

— Позови по имени! Позови меня!

— Энн!!! Энн, иди сюда, на эту сторону моста!!! — закричала Бетти что было сил.

Энн качнуло вперед, словно до этого ее удерживали невидимые руки, и она стремительно пошла по мосту, осторожно перебирая каблуками туфелек. Она крепко держалась за веревки и, казалось, не испытывала такого страха перед пустотой внизу, через какой довелось пройти Бетти.

Бетти протянула ей руку, и Энн спрыгнула на землю, целая и невредимая. Девочки переглянулись, и Энн тут же кинулась обратно.

— Мэри!!! — позвала она. — Мэри, скорее ко мне!

В тот же миг Мэри оставила попытки отбиться от Охотников и прыгнула на мост. Он закачался под ней, и каблук попал в щель между досками. Мэри охнула и потеряла равновесие, но успела схватиться за веревки и повиснуть на них всем телом. Бетти прижала ладони ко рту. Мэри медленно восстанавливала равновесие и, наконец, выпрямилась во весь рост и медленно пошла вперед. В отличие от Энн, ей не хватало сейчас ее хладнокровия и собранности, и каждый шаг был для нее как последний.

Энн и Бетти обняли ее с двух сторон, успокаивая, в тот момент, когда она ступила на землю.

Мэри тряслась и всхлипывала от пережитого страха, но быстро пришла в себя.

— Наши друзья! — напомнила она.

Бетти кинулась к мосту.

— Идите сюда!!! Скорее!!! Эй!!

— Рубашечник!!! — крикнула Мэри. — Скорее!

— Идите сюда! — надрывалась Бетти, — Рубашечник, Охо...

Энн быстро зажала ей рот рукой и прошипела на ухо:

— Бетти, мы не можем звать Охотника, придут другие, они все смогут сюда прийти. Видишь, над мостом какой-то барьер, который не пускает их сюда.

— Но... — растерялась Бетти. — Но как же теперь...

Рубашечник тем временем перешел мост так легко, словно шагал по твердой земле. Бетти вспомнила, что раньше он был циркачом. Сейчас она убедилась в этом собственными глазами. Он по-прежнему бережно прижимал к себе кусок зеркальной коры и вообще не держался за перила, однако ни разу не пошатнулся.

Он сошел на землю и беспомощно оглянулся.

Охотник сражался один. Его топор взлетал и опускался, отгоняя прочь жадных до его страха и гнева Охотников, каждый из которых желал бы первым дотянуться до отступника. Его массивная фигура казалась совсем крошечной рядом с бесформенной массой черных теней и глаз.

— Энн говорит, мы не можем его позвать, — убито сказала Бетти. — Ведь тогда они все... придут.

— Нам надо уходить, это наш шанс, — жестко добавила Энн.

Мэри прижала ладони к лицу.

Рубашечник побледнел и замотал головой так, что светлые пряди закрыли его лицо.

— Нет, нет, я не могу так. Я без него не могу уйти. Не могу.

— Ты должен. Так бывает, — такой твердости в тихом голосе Энн они еще не слышали.

— Мне очень жаль, Рубашечник, но если мы все погибнем здесь... — Бетти коснулась его плеча.

Рубашечник шарахнулся в сторону, сбрасывая ее руку, замотал головой еще яростнее и кинулся к мосту.

— Да иди же ты сюда! — его отчаянный крик разнесся над черной пропастью. — Иди сюда, будь ты проклят!

Охотник обернулся и медленно покачал головой, а потом перехватил поудобнее рукоять топора.

Бетти показалось, что она слышит смех Ткачихи, жуткий, торжествующий смех.

— Не смей умирать! Ты не можешь! Ты должен быть здесь! — зеркало выпало из ослабевших пальцев Рубашечника.

Он потерянно смотрел перед собой, через мост, глядя, как черная тьма приближается к Охотнику. Вдруг что-то толкнуло его вперед, он вцепился в веревки моста и закричал:

— Сюда иди! Ногами! Мы вытащим! Беги так быстро, как можешь! Я без тебя не уйду!

Слышишь меня?.. ГИЛЛИАН!!!

Его пронзительный крик повис в воздухе.

Глава 25.

Что-то ударило Охотника в грудь, точно выталкивая на мост. Он развернулся и, не думая ни о чем, рванулся вперед — и вовремя. Серебристые нити рухнули вниз, разрезая опоры моста, и деревянные перекладины посыпались в бездонную пропасть. Охотник прыгнул, бросив все тело вперед, и из последних сил вцепился в клочья травы. Мост стремительно рушился, отрезая путникам дорогу назад, а их самих — от Ткачихи и ее приспешников.

Рубашечник ухватился за руки Охотника, но было ясно, что он не сможет долго его удерживать, его хрупкие запястья сломаются под весом друга.

Бетти, не раздумывая, кинулась на помощь. Она обхватила Рубашечника за пояс, помогая тянуть назад, упираясь пятками в землю. К ней немедленно подключилась Энн, а за ней Мэри, и все вместе они стали тянуть Охотника вверх.

Наконец ему удалось размахнуться второй рукой и всадить в землю топор. Дело пошло быстрее: подтянувшись на топорнице, Охотник смог поставить на землю колено, а после выбрался целиком и сел на землю, ошарашенно глядя перед собой.

Рубашечник откинул с лица длинные пряди и встретился с ним глазами.

Бетти никогда раньше не замечала, что у них совершенно одинаковые глаза: светлые, с темным полукружьем, с широкими жадными зрачками...

— Гиллиан, — тихо повторил Рубашечник.

— Откуда ты?..

— Это важно сейчас? Нам надо бежать.

Охотник схватил его за руки.

— Да, это важно. Я знал, что ты что-то скрываешь, когда — долгое время назад — искал у меня защиты и заступничества. Я еще думал тогда: почему у меня? Теперь я, наконец, начинаю понимать...

— Ты единственный владеешь тем, что я так жаждал обрести, — Рубашечник освободил руку из его хватки и с нежностью провел пальцами по щеке. — И все хотел отнять это и вернуть себе... себя.

— Больше не хочешь?

Рубашечник опустил глаза.

— Я понял, что эти воспоминания стали частью тебя. И, думаю, теперь уже не станут моими? Ты стал человеком благодаря моей памяти, моей судьбе и моей жизни. Стал моим другом. Разве я вправе требовать у тебя это назад? Я больше этим не владею.

— Но ты позвал меня. Дал мне имя, которое не было мне известно, но я теперь знаю точно, что оно — мое. Я думал, я нужен тебе, чтобы ты вернулся в тот мир со всеми воспоминаниями. Или что без меня ты не сможешь туда пробраться. Но если ты больше не претендуешь...

Рубашечник возмущенно вскинул подбородок и закусил губу.

— Ты меня вообще слышал?! Ты стал моим другом, моим защитником. Бросить тебя ради собственных интересов... Я не смог.

— Спасибо, — с тихой благодарностью сказал Охотник и поднялся на ноги. — Нам пора идти. У нас еще будет время поговорить об этом. Или же у нас больше не будет времени ни на что.

Охотник... Нет, Гиллиан, Бетти подумала, что больше не будет называть его Охотником — пошел вперед, к Старой церкви, что была уже совсем близко. Рубашечник подобрал зеркало и поспешил за ним. Мэри-Энн молча взяли Бетти за руки с двух сторон, и они быстрым шагом поднялись по крутой тропинке к тенистым развалинам.

Старая Церковь и вправду напомнила Бетти те ркины в центральном парке. Только эти стены молчаливо вздымались и выглядели зловеще. Оставалось надеяться, что Артур Ним правда ждет их по ту сторону.

Ведь точно ждет. Если Бетти прошла через мост, значит, кто-то еще позвал?..

— И Дженни Ли ушла за Холмы... — пробормотал Рубашечник, глядя прямо перед собой. — За зеленые эти Холмы...

Бетти огляделась по сторонам.

Вокруг была сумрачно и туманно. Но жуть, которую внушал ей мир Ткачихи, здесь уже не

ощущалась. Должно быть, так выглядят леса ранним утром в середине лета, когда солнце еще не взошло, но небо светлеет и утренний туман обнимает землю.

— У нас мало времени, — сказал Гиллиан. — Охотники найдут способ прорвать барьер. Хотя это место и скрыто от Ткачихи, и она не имеет над ним власти, оно все равно остается частью поглощенного ей мира.

— Но это место... Оно настоящее? — Бетти шагнула вперед и провела рукой по шершавым камням, среди которых проросла зеленая трава.

— Здесь нет ничего настоящего, Бетти Бойл, — покачал головой Рубашечник. — Но это место стоит на границе. И, как любое пограничное место, располагает большими возможностями, чем любое другое.

— Вопрос только в том, как эти возможности разглядеть, — вздохнула Мэри и села около стены. — Кажется, внутри ничего нет. Это просто развалины.

— Эта церковь — отражение той, из настоящего мира? — словно не слыша ее, спросила Бетти. — Или же она провалилась сюда когда-то, ушла под землю, как многие земли эльфийского королевства? Или она возникла здесь сама, каждый камень — за каждого сплетенного, ведь в основе любого, даже самого мрачного мира лежит равновесие...

— Никогда бы не подумал, что ты философ, — улыбнулся Рубашечник. — Наверное, твои вопросы не предполагают ответов. И все же... Старые легенды говорят о том, что эльфы владели этой землей, а Старая Церковь была своего рода вратами. Тогда она еще была просто церковью, конечно. И она остается ими. Даже если бы здесь камня на камне не осталось, это место сохранило бы свои свойства и стало нашим спасением.

— И нам остается только... — Энн встала рядом с Мэри, и Мэри закончила за нее:

— ...обойти церковь противосолонь!

— Но как мы обойдем церковь против солнца, если солнца здесь нет? — растерялась Бетти. Гиллиан покачал головой.

— Ну что же ты, Бетти Бойл? Разве мы не говорили об этом? Представь себе циферблат, а церковь — как место, к которому крепятся стрелки.

— Время идет слева направо, такова его суть, — подхватил Рубашечник. — Поэтому если мы пойдем налево, мы раскрутим время обратно. И получим возможность выбраться отсюда раньше, чем паутина Ткачихи прорвет магический барьер.

— Его, наверное, еще эльфы поставили, — сощурилась Энн. — Хотела бы я знать, каким это место было раньше.

— Прекрасным, — ответил Рубашечник, и глаза его заблестели. — Это место было

прекрасным.

Гиллиан нахмурился.

— Хватит лирики. Нам пора идти.

Он первым двинулся к заворачивающей крутым полукругом каменной кладке, когда Рубашечник схватил его за руку, прижимаясь щекой к плечу.

— Нам нельзя разделяться, — пробормотал он. — Возьми меня за руку.

Гиллиан хмыкнул, но возражать не стал и крепко сжал его руку в своей. Рубашечник протянул свободную руку Бетти, Бетти взяла за руку Мэри, а Энн замкнула процессию. Гиллиан пошел вперед, и остальные старались идти за ним след в след и не отставать. Они продвигались медленно, настороженно оглядываясь по сторонам, готовые в любой момент отразить новое нападение приспешников Ткачихи.

Церковь была огромной. Давно минули те времена, когда человеческий ум и талант занимало соперничество с Богом, и таких массивных сооружений сейчас уже не строят. Но Бетти видела на картинках, какими раньше были церкви и сколько труда вкладывали в их строительство. В эту церковь мог прийти весь их городок, и еще осталось бы много места. Наверное, на это она и была рассчитана, хотя со средних веков городок изрядно разросся. Они шли, и их сопровождала тишина.

Тишина оглушала, заставляла тревожно вздрагивать при каждом шаге и растерянно переглядываться. Не было слышно даже собственного дыхания, густая трава скрадывала звуки шагов. Не было ветра. Словно по сговору, они не произносили ни слова, и тишина укрывала их, точно плотным плащом.

Воздух становился вязким, плотным, и вскоре уже каждый новый шаг давался с трудом. Они завершили первый круг, и ощутимо повеяло холодом. Бетти поежилась.

Гиллиан повел носом, нахмурился, еще раз огляделся по сторонам и решительно двинулся на второй круг. К тишине добавился холодный, пронизывающий ветер, налетевший из ниоткуда. Он бил в глаза и морозил шею, бросал волосы в лицо, и не было возможности убрать мешающие пряди, потому что нельзя было расцеплять рук.

Теперь Бетти понимала предосторожности Рубашечника. Ей казалось, что, останься она здесь одна, без теплых ладоней друзей, и ветер непременно собьет ее с ног, заморозит насмерть и выбросит прочь, обратно к Ткачихе. Она знала, что тысячеглазый паук с сотнями сотен приспешников поджидает ее везде. И сейчас, когда ледяной ветер пробирал ее до костей, вдруг осознала, что, даже выбравшись из этого мира, не сбежит от Ткачихи. Ткачиха останется – тысячей глаз, сотней невидимых нитей, и будет рядом в моменты слабости,

печали и отчаяния. От Ткачихи нельзя уйти. С ней можно только бороться: силой духа и упорством мысли.

Бетти подняла голову и улыбнулась. Что такое холодный ветер для той, что преодолела Болота Тревоги и Топи? Ей осталось совсем немного. Тем более, с ней идут друзья.

Когда они ступили на третий круг, стало очень жарко.

Пот лился ручьями и заливал глаза, и Бетти пыталась украдкой вытереть лицо о рукав футболки. Было тесно и неудобно, руки намокли, и ладонь Бетти едва не выскользнула из руки Рубашечника – его цепкие пальцы перехватили ее в последний момент. Мэри сильнее вцепилась в ее руку, пожалев, что сразу не взяла за запястье.

Жара пыталась их расплавить, сухой воздух обжигал кожу, но Бетти упрямо шла вперед.

Иногда ей казалось, что, даже если она перестанет идти, Гиллиан один выведет всю процессию. Иногда – что она сейчас упадет и больше не встанет, потому что зачем куда-то идти, если весь мир вокруг превратился в каплю расплавленного янтаря, а она в нем – только муха... Перед глазами мелькали красные всполохи.

И когда третий круг подошел к концу, Бетти села прямо на землю и разрыдалась. Она плакала навзрыд несколько минут, безудержно, без остановки, а когда успокоилась и подняла красное от смущения лицо, то встретила взглядом с Артуром Нимом.

— Артур Ним? – воскликнула она.

— Бетти Бойл!!! – радостно откликнулся мальчик и поправил очки, норовившие упасть с носа. – Это ты. Значит, я правильно вычислил место.

Только сейчас Бетти заметила, что Артур наблюдает за ними с другой стороны пустого оконного проема. Окно было затянуто светящейся прозрачной пленкой, и там, на другой стороне, Бетти видела солнце и слышала голоса людей и лай собак неподалеку.

— Возвращайся домой, Бетти Бойл, — позвал он.

Бетти сделала шаг вперед, и в этот момент магический барьер треснул, рухнул, и приспешники Ткачихи пересекли пропасть. Черные тени окружили Старую церковь, серебряные нити потянулись схватить беглецов, но Гиллиан и Рубашечник успели первыми: спина к спине, вооруженные топором и куском зеркала, они разрубили нити на подлете.

— Скорее, за мной! – крикнула Бетти и нырнула в серебристый проем. – И побыстрее!

А потом на всякий случай добавила:

— Иди сюда, Энн!

Энн ринулась в светящееся окно следом за ней и прокричала уже на ходу:

— Мэри! Мэри!

— Рубашечник! – крикнула Мэри и потянула его за рукав, прыгая в серебристый омут.

— Гиллиан, — тихо позвал Рубашечник, роняя зеркало в траву.

Еще одна серебряная нить на излете легла к их ногам. Рубашечник взял его за руку, свободную от топора, и они вместе бросились в оконный проем, и град стрел, выпущенный Охотниками им вслед, лишь чудом не настиг их.

Светящийся проем погас, навсегда отрезая мир Теней от всех остальных миров.

Эпилог

— Доброе утро, Бетти Бойл, — Артур Ним стоял на пороге ее особняка.

На стеклах его очков бликовало солнце, и он через каждые несколько минут снимал их и принимался протирать специальной тряпочкой, будто надеясь, что от его действий солнце перестанет хулиганить.

— Добро утро, Артур Ним! — Бетти выглянула за дверь и приветливо ему улыбнулась. — Подожди, я только оденусь.

И нырнула обратно в дом.

— Бетти, куда ты? — мама Бетти проходила через огромную гостиную с большой коробкой в руках: она собиралась на благотворительный вечер.

— В парк, мама. Вместе с друзьями. Мы хотим покормить лебедей.

Мама нахмурилась.

— Тебе ведь известно, что лебедей нельзя кормить хлебом?

— Конечно, мама! Артур Ним знает все о лебедях!

— Артур Ним? Ты с ним пойдешь?

— Да, он уже ждет меня.

— А ты наверняка снова держишь его на пороге? — мама посмотрела на Бетти и неожиданно сказала: — Почему бы тебе не начать приглашать его в дом?

Бетти просияла.

— Обязательно начну приглашать, мамочка!

Она кинулась к маме на шею и крепко ее обняла. Той пришлось сначала пристроить коробку на ближайшую поверхность, чтобы обнять дочь в ответ. Потом коротко поцеловала ее в макушку и удалилась с коробкой вверх по лестнице.

Бетти поспешила надеть туфли и выскочила за дверь.

После возвращения из мира Теней она сильно изменилась. Внутри она стала сильнее, храбрее

и гораздо уверенней в себе, чем раньше. Это не могло не отразиться на ее внешности. Ее прежнее желание одеваться так, чтобы выражать этим протест перед родителями и быть крутой для ровесников, теперь казалось ей очень глупым. Она снова носила платья и отращивала волосы, чем безмерно радовала свою мать, все чаще ловила на себе заинтересованные взгляды одноклассников (и особенно - Артура Нима!) и больше не рвалась ночами в клуб “Носферату”. Она оставалась самой собой в любой одежде, в любом месте и в любой ситуации, и эта новая Бетти нравилась всем вокруг. И больше всего она нравилась сама себе.

С ее пугающих приключений прошел уже целый год, и сегодня они все собрались проведать развалины Старой Церкви по эту сторону миров и устроить хороший пикник. Ведь даже если вы живете в маленьком городе, очень сложно видеться чаще, чем пару раз в месяц.

— Ну что, куда сначала? — спросил Артур Ним, забирая у Бетти корзинку с сэндвичами и газировкой.

— Конечно, в “Фарфоровые Цветы”! — решительно сказала Бетти. — Это ближе и по дороге. А потом зайдем в Галерею.

Они поспешили вниз по улице Высоких Осин, где в самом конце располагался флористический салон, владельцами которого были Мэри и Энн Флауэр. Несмотря на то, что салону было меньше года и он возник буквально из ниоткуда, он стремительно набирал популярность в городе, и не в последнюю очередь благодаря покровительству Сьюзан Бойл. Когда они шли мимо витрины книжного магазина, Артур Ним вдруг остановился.

— Смотри, Бетти! Это разве не книга Энн?

— Точно! Наверное, издатели решили выпустить ее в новой серии, видишь? “Депрессия — рак души”. Надо сказать Мэри-Энн, наверное, они будут довольны. Тем более, что Мэри эту книгу не читала.

— А ты сама читала?

— Уууу, мне еще рано читать такие серьезные книжки, — рассмеялась Бетти и подмигнула ему. — Мне пока своих приключений хватает.

И взяла его за руку.

Так, не размыкая рук, они спустились вниз по улице и зашли в стеклянные двери. Зазвенел колокольчик, и навстречу им, словно из облака белых роз, поднялась Мэри. В белом платье и с аккуратными косами она снова была похожа на фарфоровую куколку. А бесконечное множество цветов, расставленных повсюду на продажу и для красоты, только подчеркивали это сходство.

— Энн, иди сюда! Они пришли!

— Я заканчиваю поливать цветы, — проворчала Энн, появляясь в дверях с розовой лейкой в руках.

Ее волосы были убраны в тугий пучок, а темное платье прикрыто передником. Теперь их с Мэри легко было принять за сестер, но за близняшек — уже невозможно. Энн отдала слишком много ради их спасения в Болотах и знала об этом, но знала она и о том, как с этим жить.

— Подождите, я хотя бы все закрою, — смягчилась она при виде сияющих лиц Бетти и Артура Нима

Энн в самом деле убрала лейку и достала связку ключей, которыми запирали все двери в салоне, сняла передник и распустила волосы, позволив им лежать на плечах свободной волной. Мэри тем временем взяла приготовленные заранее пирожные и чайник с чашками, передала Энн плед и обернулась к Бетти:

— Теперь в Галерею?

— Конечно!

Галерея Высоких Искусств стояла на полпути между домом Бетти и Центральным парком. Друзья вошли в изящные резные ворота, поднялись по широким ступеням, ведущим ко входу в Галерею, но прошли мимо дверей для посетителей, зайдя с бокового входа в кабинет смотрителя музея.

Рубашечник сидел в кресле, закинув длинные ноги на стул, и внимательно делал пометки в толстой книге.

— Привет! — закричала Бетти с порога. — Мы пришли украсть тебя и твою службу охраны!

— Тогда сделайте это поскорее, разбираться со всеми этими текстами у меня просто нет сил!

Рубашечник вскочил на ноги и довольно потянулся. Он лукавил: силы у него были, и много. С тех пор, как он тоже стал жителем этого маленького города и получил должность смотрителя Галереи Искусств, он не переставал ощущать себя живым.

Табличка у него на груди гласила, что его зовут “Морган Доу”. Имя придумал Гиллиан, точно хотел хоть как-то компенсировать то, что невольно похитил настоящее имя Рубашечника.

Сам Гиллиан устроился здесь же охранником, и количество школьных экскурсий и самостоятельных походов в музей увеличилось вдвое: каждому хотелось посмотреть на могучего охранника, бдительно следящего за порядком в зале — и за своим начальством, которое с головой уходило в работу и забывало обо всем на свете.

— У меня ведь никогда не было нормальной работы, я был циркачом, — сказал как-то

Рубашечник. — А теперь мне все интересно. И нравится очень. И искусство... Искусство —

это важно. Очень важно.

Друзья его поддержали.

— Давно ждете? — спросил Гиллиан, подходя с другой стороны. — А я ходил за яблоками. Год прошел, я все никак не наемся: постоянно хочу фруктов. Как будто желудок не может поверить, что это настоящая еда.

Рубашечник цапнул яблоко из пакета и впился в него зубами.

— Самое настоящее яблоко, можешь мне поверить. И очень вкусное!

— Эй! Нельзя есть до пикника! — возмутилась Бетти.

— Тогда пойдете скорее, — сказал Артур Ним и поправил очки. — Я тоже голоден.

В центральном парке было шумно и людно. Дети играли в мяч, собаки гонялись за игрушками, взрослые прогуливались по дорожкам или наблюдали за происходящим, сидя на скамейках. На шестерых друзей никто не обратил внимания, и они спокойно удалились в дальнюю часть парка, которая больше уже напоминала лес. Артур Ним вел их извилистой тропой и вспоминал, как тогда шел, чтобы найти Старую Церковь.

— Мне тогда показалось, словно это я в другой мир попал, — сказал мальчик, поправляя очки. — Там было так тихо и пусто, совсем не как в основной части парка. Было жутковато, поэтому я ходил и звал Бетти: сначала тихо, затем в полный голос. Все вспоминал старые сказки и легенды и думал, как мне вытащить вас оттуда. Хорошо, что прошлым летом мне подарили большую книгу сказок! Я нашел то самое окно и методом исключения и научного поиска понял, что оно может быть одним-единственным. И стал ждать — и звать. А потом окно засветилось и оттуда вывалились вы.

— Как же я тогда испугался, — засмеялся Рубашечник. — Даже говорить не мог первые дни.

— А я сначала не верила, что у нас все получилось, — подхватила Мэри.

— Я переживала, что мы здесь не выживем и нам нечего будет есть, — хмыкнула Энн.

— А я все еще был в азарте боя, и хорошо, что выронил топор перед прыжком! — присоединился Гиллиан.

— Но все равно замахнулся на меня! — воскликнул Артур. — Это было страшно, знаешь ли!

— Как все-таки здорово, что твоя дядя Вилли тогда был в городе и помог нам, — вздохнула Бетти. — До сих пор поражаюсь, что он нам поверил. Обычно взрослые не слышат детей.

— Дело в том, что моя дядя Вилли сам ребенок, только вырос высоким — так мама говорит, — пояснил Артур Ним. — Поэтому он и подружился с нами. Если бы ему не пришлось уехать, позвали бы его с собой.

— Ничего, он же еще придет тебя навестить? Вот и устроим пиршество в его честь. Это ведь он помог нам и с документами, и с работой...

— Твой дядя, Артур, совсем не ребенок, — покачала головой Энн. — Он — хороший человек. За разговорами они дошли до развалин Старой Церкви. Вокруг нее было пустынно и безлюдно. Воздух был холоднее, чем в других частях Центрального парка, где ярко светило солнце. Едва заметная дымка тумана укрывала старые камни, и Церковь казалась укутанной в тончайшую вуаль.

— Давайте посмотрим на нее издали? — предложила Мэри. — Не хочу случайно обойти ее противосолонь и провалиться обратно.

— Да уж, живописное местечко, — поежился Рубашечник. — Я как-то отвык от такого, в центре города все-таки много солнца.

Бетти промолчала. Она смотрела вперед, на изъеденные временем камни, и ей казалось, что оттуда, из черных провалов окон, кто-то смотрит на нее в ответ. Смотрит и ждет, что она будет делать дальше.

Ткачиха всегда будет наблюдать из Теней, напомнила себе Бетти. Она повсюду. От нее не укрыться. Она будет здесь днем и ночью, в солнце и в дождь. Она будет ждать — когда Бетти снова сдастся. А значит, надо быть начеку и никогда больше не сдаваться. В конце концов, это стоящее дело.

На миг мелькнула в воздухе серебряная нить. Бетти вздрогнула, моргнула, и видение исчезло. В Старой Церкви снова не было ничего призрачного и жуткого, просто старые руины.

Друзья постояли на краю поляны, разглядывая древние руины, потом переглянулись и, подхватив корзинки и плед, пошли обратно. Заблудиться они не боялись: гул людских голосов и лай собак был для них лучшим маяком.

Когда они вышли на главную аллею Центрального парка, мимо промчалась толпа детей.

— Вы куда так спешите? — поймала Бетти особо резвого мальчика, попытавшегося сбить ее с ног.

— Цирк приехал! — сказал мальчик и побежал дальше.

На полпути остановился, развернулся и показал Бетти руками большой шатер.

— Вот такой цирк! Шапито! — и убежал догонять своих.

Рубашечник с задумчивым видом смотрел им вслед.

Между деревьями и в самом деле виднелись разноцветные шатры и, прислушавшись, можно было уловить бодрые музыкальные мотивы. Яркие краски, мелькавшие между деревьев, манили к себе, обещая тайну, магию и приключения. И, наверное, канатоходцы там тоже

будут...

Бетти коснулась руки Рубашечника.

— Хочешь? Может, там найдется кто-то, кто знал тебя?

Рубашечник закусил губу, словно сражаясь с чем-то внутри себя, потом посветлел лицом, улыбнулся широко и твердо сказал:

— Нет. Не хочу.

Артур Ним посмотрел на них и поправил очки.

— В таком случае, — сказал он, — я предлагаю двигаться прямо. Я знаю отличную поляну.

Там мы разложим плед и устроим, наконец, пикник.

Потом он повернулся к Бетти, показал на нее пальцем и с очень серьезным видом произнес:

— В конце концов, у нас сегодня очень важный повод. С днем рождения, Бетти Бойл!

А Рубашечник добавил:

— И всех нас тоже — с днем начала новой жизни.

Бетти громко и счастливо рассмеялась и поставила корзинку на землю. Ей захотелось вдруг как можно крепче обнять всех своих друзей сразу. Что она и сделала, немедля больше ни минуты.

Конец.